Полуночный танец дракона

Автор:
Рэй Брэдбери

Полуночный танец дракона

Рэй Дуглас Брэдбери

Всемирная литература

Жизнь – это сделка с Богом, за которую надо платить. Старый трамвай везет гуляк из танцевального зала – в прошлое. Пьяный киномеханик путает местами части фильма – и тот получает в Каннах «Золотую пальмовую ветвь». От современного классика американской литературы – двадцать пять историй о любви и смерти. В этих рассказах все фирменные «фишки» Брэдбери: тайны и мистика, ностальгия и светлая печаль, размышления и поиски...

Рэй Брэдбери

Полуночный танец дракона

Посвящения

Дональду Харкинсу – моему дорогому другу,

которого всегда люблю и помню.

Также посвящаю эту книгу

ФОРРЕСТУ ДЖ. ЭКЕРМАНУ,

который в далеком 1937 году выгнал меня из колледжа,

вынудив заняться писательством.

Первый день

Заветное число настигло Чарльза Дугласа за завтраком – когда он заглянул в газету. Он откусил тост, на всякий случай вгляделся в число еще раз – и медленно опустил газету на стол.

– Ну, надо же! – сказал он.

– Что такое? – слегка вздрогнув, отозвалась его жена Элис.

– Сегодня то самое число. Четырнадцатое сентября.

– Что значит – то самое? – спросила она.

– Первый день занятий в колледже!

– И что дальше?

– Первый день… Когда все встречаются после каникул.

Элис настороженно следила за тем, как он встает из-за стола.

– И что?

– Да-да, все правильно – сегодня первый день…

– А мы-то тут при чем? – спросила она. – Детей у нас нет, знакомых учителей тоже… Даже друзей, у которых есть дети, тоже нет.

– Да-да, конечно. Просто… – Голос Чарли дрогнул, он снова взял газету в руки. – Я обещал…

– Что обещал? Кому?

– Нашей компашке обещал, – сказал он, – давно, много лет назад… Сколько сейчас времени?

– Полвосьмого.

– Надо спешить, – сказал он. – А то опоздаю.

– Кофе еще будешь? По-моему, ты слишком разволновался. В зеркало посмотри на себя…

– Надо же, я все-таки вспомнил! – Он смотрел, как кофе льется в его чашку, наполняя ее до самых краев. – Вспомнил про наш уговор. Росс Симпсон, Джек Смит, Гордон Хайнс… Мы же все поклялись – чуть ли не на крови. Что встретимся в первый день через пятьдесят лет после окончания колледжа.

Жена выпрямилась и наконец-то оставила в покое кофейник.

– Что, прямо в сентябре 1938 года поклялись?

– Да, прямо 38-го.

– И что же, эти Росс, Джек и… как его?

– Гордон!

– Просто вот так взяли и…

– Нет, не просто. Мы же знали, что разлетимся по свету и, может быть, встретимся только через много лет, а может, вообще никогда не встретимся… И мы все торжественно поклялись, что, несмотря ни на какие преграды, обязательно вспомним и приедем, пусть даже для этого придется пересечь весь земной шар… И встретимся на школьном дворе, возле флагштока, в 1988 году.

– И что, вы все прямо дали друг другу такое обещание?

– Не просто обещание – клятву… Господи, что же я тут сижу – я ведь уже давно должен быть в машине.

– Чарли, – сказала Элис, – ты хоть понимаешь, что до твоего колледжа отсюда – километров шестьдесят?

– Пятьдесят.

– Ну, пятьдесят. Допустим, ты выезжаешь сейчас, и…

– К полудню уже буду на месте. Или даже раньше.

– Знаешь, как это выглядит со стороны, Чарли?

– Ну, давай, давай, – сказал он, – расскажи мне, ты же, как всегда, знаешь все наперед.

– А представь, вот ты припрешься туда – а там никого нет?

– То есть как это никого? – срывающимся голосом воскликнул он.

– Так это – никого! Вдруг ты один такой идиот, который принял все это всерьез и…

– Не может быть, они обещали! – оборвал ее он.

– Но с тех пор прошла целая жизнь!

– Они – обещали!

– А если они передумали – или просто забыли?

– Они не могут забыть.

– Почему это?

– Потому что это были самые лучшие на свете парни, это были лучшие мои друзья, навсегда. Ни у кого в мире нет и не было больше таких друзей.

– Ах ты господи, боже мой! – пропела она. – Святая простота.

– Это я – святая простота? Но, послушай, ведь я-то вспомнил – и они, между прочим, тоже могли вспомнить!

– Нет, не могли. Для этого надо быть таким же чокнутым на всю голову, как ты!

– Спасибо за комплимент.

– А что, скажешь, я неправа? Да ты зайди к себе в кабинет… Паровозики «Lionel», машинки «Mr. Machines», мягкие игрушки, постеры!

– И что?

– А папки с письмами? Это у меня письма 60-х, это – 50-х, это – 40-х… Господи, когда ты только соберешься их выкинуть…

– Это не просто письма.

– Это тебе они – не просто. А все эти твои друзья и незнакомцы по переписке – думаешь, они тоже хранят твои письма, так же как ты – их?

– Я, между прочим, пишу интересные письма.

– Да, да, очень интересные. А ты попробуй, обзвони своих адресатов – и попроси переслать их тебе обратно, хотя бы одно. Как ты думаешь, сколько тебе пришлют?

Он молчал.

– Правильно: ни хрена не пришлют! – сказала она.

– Совсем не обязательно так выражаться, – заметил он.

– А что, «хрен» – это теперь ругательство?

– В твоем исполнении – да.

– Чарли!

– И не «чарли» меня!

– А тридцатилетний юбилей театральной студии, на который ты поперся, чтобы встретиться с какой-то там Салли – или еще черт знает с кем? А эта чувырла даже не вспомнила, кто ты такой!

– Ну, давай вытащи теперь все… – сказал он.

– Господи боже мой! – вздохнула она. – Нет, ты, пожалуйста, не подумай, что я решила испортить тебе праздник. Просто… не хочу, чтобы ты опять страдал.

– Ничего, у меня толстая кожа.

– Знаю, знаю… Строишь из себя слона, а сам охотишься на стрекозок.

Он уже стоял на изготовку. С каждой ее новой фразой он как будто становился выше ростом.

– Это будет славная охота… – сказал он.

– Ну-ну… – то ли со вздохом, то ли со всхлипом отозвалась она. – Значит, поедешь.

– Да, мне пора.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

– Ладно, я пошел.

И дверь закрылась.

Почему-то у него было чувство, будто скоро Новый год.

Он рванул с места, потом опомнился, отпустил газ – и стал жать постепенно, пытаясь синхронизировать шум мотора с шумом в голове.

…Или – как будто только что закончился Хеллоуин и все разъезжаются по домам после вечеринки.

Очень странное ощущение.

Он ехал в хорошем темпе, но при этом то и дело посматривал на часы. Времени был еще вагон, он прекрасно успевал до обеда.

А почему, собственно, до обеда? Зачем? Может, Элис права? Сорвался, как мальчишка, неизвестно куда, неизвестно зачем. «Я обещал, мы поклялись…» Кто они мне, собственно говоря? Какие-то далекие персонажи из детства. Что с ними стало сейчас, вообще непонятно. За столько лет – ни писем, ни телефонных звонков, ни случайных встреч в стиле «мир тесен», ни сообщений о кончине… Хотя это как раз интригует! Ради этого стоит давить на газ. И умирать от нетерпения. Он хохотнул вслух. «Ну, когда же… ну, когда же?!» В детстве они постоянно так говорили. Тогда было много поводов умирать от нетерпения. Например, каждый раз – ждать миллиарды лет до Рождества. Или до Пасхи… Хотя до Пасхи – нет, всего пара миллионов, не больше. А Хеллоуин? Старый добрый Хеллоуин – кругом тыквы, все бегают, орут, долбят друг другу в окна, звонят в звонки, а ты дышишь в горячую маску, и она пахнет картоном. День

Всех Святых! Самый любимый. Когда-то. А как мы ждали Четвертое июля – надо было раньше всех проснуться, раньше всех кое-как что-то на себя нацепить, первыми выбежать на лужайку и взорвать к чертовой матери весь город с помощью шестидюймовых фейерверочных шаров… Да, все-таки Четвертое июля. Оно – самое крутое! Самое-пресамое – ну, когда же.

Хотя, наверное, в те времена все дни были такие – «ну, когда же». И дни рождения, и поездки на озеро, и фильмы с Лоном Чейни[1 - Лон Чейни – выдающийся американский актер немого кино, который прославился способностью до неузнаваемости изменять свою внешность, за что получил прозвище «Человек тысячи лиц».]. И горбун Квазимодо, и Призрак оперы… Все такое, что «ну, когда же, когда же?!». Я и сейчас бы не отказался копать в овраге землянки. И чтобы фокусники приезжали каждый год. Прямо сейчас рванул бы жечь бенгальские огни. Вот прямо в эту же секунду! Ну, когда же?!

Он сбавил ход, чтобы лучше рассмотреть Время, сквозь которое ехал.

Теперь уже недалеко. Недолго осталось. Старина Росс! Дружище Джек! Гордон… ну, это Гордон. Мы же банда. Кто на нас? Настоящие три мушкетера. Нет, даже не три – четыре, если вместе со мной.

Мысленно он огласил весь почетный список. Первым в нем шел, конечно, Росс: он считался старшим, хотя все мы были одного возраста. Этот был уж точно самый шустрый щенок в нашем помете. И самая светлая голова. По учебе шел лучше всех, при этом никогда не задавался. Читал все подряд. По средам слушал шоу Фреда Аллена[2 - Фред Аллен (1894–1956) – американский комик, чье абсурдное шоу на радио сделало его одним из самых популярных юмористов.], а наутро пересказывал нам лучшие шутки. Несмотря на бедность, любил красивую одежду. У него был всего один галстук, один ремень, один пиджак, одна пара брюк, но все всегда отличного качества. И всегда чистое и выглаженное. Это по поводу Росса.

Дальше Джек – будущий писатель, который типа собирался завоевать весь мир и стать величайшим в истории. Так, во всяком случае, он провозглашал, а точнее, вопил на всех углах. Таскал в карманах пиджака не меньше шести ручек и знаменитый желтый блокнот, благодаря которому «Стейнбек однажды перестанет быть Стейнбеком». Вот такой был Джек.

Ну, и Гордон, который перемещался по кампусу исключительно по штабелям девиц, визжащих от восторга, не прикладывая для этого никаких усилий. Ему достаточно было мигнуть – и они падали под ноги, как перезрелые яблоки.

Росс, Джек, Гордон – привет, друганы!

Он разогнался было, но снова притормозил.

Интересно, а что они подумают про меня? О, братец, да ты крут! А насколько я крут – и крут ли я вообще? Девяносто рассказов, шесть романов, один фильм, пять пьес – в принципе не так уж и плохо… Да нет, к черту, лучше вообще не буду ничего им рассказывать, вот еще – пусть про себя рассказывают, а я послушаю.

Ну, вот, допустим, встретились мы у флагштока. И что мы друг другу скажем? Привет! Здорово! Боже, какая встреча! Мы все-таки собрались! Как сам, как здоровье, что нового? Давай колись: что у тебя там? Жены, дети, внуки, фотки и все такое…

А, да ты писатель? Давай-ка изобрази нам что-нибудь, приличествующее моменту. Стишок какой-нибудь. Хотя нет, стихи – вряд ли это теперь актуально. Ну да, пожалуй, это было бы слишком. «Я вас люблю – всех вас троих…» Или что-нибудь типа: «Я бесконечно вас люблю…»

Он еще сильнее сбросил скорость, вглядываясь вперед, в призрачные тени за ветровым стеклом.

А если они вообще не приедут? Да нет, вряд ли. Должны. Нет, они все будут на месте, и все будет хорошо. Я понимаю, если бы жизнь у них не удалась – какие-нибудь там несчастливые браки и все прочее, – тогда бы они не приехали. Такие парни, как они – точно нет. Ну а если все хорошо, даже не просто хорошо, а классно – почему бы и не приехать? Хотя бы для того, чтобы доказать: вот смотрите, у меня все хорошо, я все вспомнил и приехал. Веришь не веришь? Верю!

Он снова решительно надавил на газ – надо спешить, раз все уже собрались. Потом опять притормозил – в приступе ужаса, что там его никто не ждет. Потом еще раз газанул. Черт знает что. Это просто черт знает что!

И так въехал во двор колледжа. Как ни парадоксально, там даже нашлось место для парковки. У флагштока толклись студенты, но их было до обидного мало. Явно недостаточно, чтобы затеряться и сделать вид, что никто тут и не собирался никому назначать встречу. Ведь его друзьям-старперам вряд ли хотелось бы приехать и торчать тут у всех на виду? По крайней мере ему уж точно не хотелось. Гораздо лучше лениво разгрести толпу и явиться на место последним: встречайте, главная интрига нашего праздника!

Он отсиживался в машине до тех пор, пока из колледжа не высыпала толпа девушек и молодых людей, которые все одновременно что-то болтали. Они, о счастье, остановились как раз возле флагштока, а значит, теперь все вновь прибывшие – неважно, какого возраста, – могли незаметно затесаться в их ряды. Он вылез из машины и некоторое время боялся смотреть в сторону флагштока. А вдруг там никого нет? Никто не приехал, никто ни о чем не вспомнил. Это было бы так тупо… Он с трудом удержал себя от соблазна запрыгнуть обратно в машину и уехать.

Под самим флагштоком никого не было. Студенты толпились вдоль, поперек и вокруг него, но прямо под ним – никого.

Некоторое время он гипнотизировал флагшток взглядом, как будто это могло заставить кого-нибудь сдвинуться с места и подойти к нему поближе. Сердце почти не билось. Он зажмурился и почувствовал острое желание немедленно уехать.

Как вдруг от края толпы отделился какой-то человек. Это был явно не молодой человек, судя по походке, цвету лица и абсолютно седой голове. Да, это был старик.

А потом еще два – примерно таких же.

Господи, неужели это они? Значит, все-таки вспомнили… И что теперь делать?

Так они и стояли широким кругом, отдельно друг от друга – молча, не двигаясь и пряча взгляды. Стояли, казалось, целую вечность.

Росс, Матерь Божья, неужели это ты? А вот этот, кажется, Джек… А тот, еще один, значит, Гордон?

У всех троих было примерно одно и то же выражение лица – как будто всех одновременно посетили одни и те мысли.

Чарли чуть подался вперед. И все остальные чуть подались вперед. Чарли сделал крохотный шажок. И остальные трое сделали. Чарли со всеми переглянулся. И все остальные обменялись взглядами. А потом…

Чарли сделал еще один шаг. Назад. И все остальные, не сразу, но тоже сделали. Чарли замер, как будто чего-то ждал. И старички тоже ждали. Глядя, как на высоком шпиле полощется флаг.

Где-то в глубине школы прозвенел звонок. Это закончился перерыв на ланч – студентам пора было расходиться на уроки. За пару минут их как волной смыло.

Как только из сквера схлынула толпа, служившая друзьям маскировочным укрытием, они остались стоять вчетвером, метрах в пятнадцати друг от друга. Как будто посреди освещенного солнцем осеннего двора расположился огромный компас с центром в виде флагштока и четырьмя полюсами в виде людей.

Так они и стояли: один облизывал губы, другой щурился, третий переминался с ноги на ногу. И было видно, как ветер теребит их седые шевелюры – тот же ветер, который едва не срывал с флагштока флаг. Наконец в здании школы прозвенел еще один звонок. И по звуку он был какой-то очень… последний.

Чарльза так и подмывало что-нибудь сказать. Но он молчал. А губы, независимо от его воли, шептали их имена. Эти дивные, эти любимые имена, которые, конечно, никто, кроме него, не услышал…

Ему не хватало решимости. Поэтому, стоило нижней части туловища сделать поползновение к отступлению, ноги тут же последовали за ней. В итоге он весь, целиком, развернулся и вышел за пределы компаса.

Следом за ним стоявшие под ветром пришельцы на других полюсах тоже зашевелились: один за другим, они тоже отступили на шаг и заняли выжидательную позицию.

Его раздираемое сомнениями тело тянулось то к флагштоку, то к спасительному автомобилю. Но он так не решился. А в это время ботинки, воспользовавшись ситуацией, под шумок окончательно вывели его из зоны действий.

Точно так же поступили тела, ноги и ботинки всех остальных.

И вот он уже шагал прочь, и старички тоже шагали – все в разных направлениях. Шли медленно, изредка бросая назад осторожные взгляды. Туда, где в опустевшем сквере остался одинокий флагшток с обиженно поникшим флагом. Где из окон слышались голоса, смех и звук задвигаемых стульев.

Все шли – и друг на друга оглядывались.

В какой-то момент Чарли остановился, потому что ноги вдруг отказались идти. Он бросил еще один долгий взгляд через плечо, в последний раз. И вдруг ощутил в правой руке какой-то странный зуд, как будто кто-то тянет ее наверх. И увидел, как она сама собой начинает приподниматься.

Несмотря на то что они уже на полсотни метров разбрелись в стороны от флагштока, было отчетливо видно, как один из пришельцев поднял руку и слегка помахал. Потом и другой старикан заметил и помахал тоже. А за ним и третий.

Он посмотрел на свою руку, как она медленно поднимается и пальцы делают в воздухе короткий прощальный жест. А потом бросил взгляд вдаль – на старичков.

Черт возьми, кажется, я ошибся, подумал он. Никакой это не первый день. Это – последний.

Судя по запаху, доносящемуся с кухни, Элис жарила что-то очень аппетитное.

Он долго не мог заставить себя войти.

– Хватит уже стоять на пороге, – сказала она, – в ногах правды нет.

– Это точно, – сказал он и прошел к обеденному столу, где его ждали праздничная скатерть, нарядные салфетки, столовое серебро и зажженные свечи, которые они обычно зажигали, если ужинали под вечер.

Элис поджидала его у входа на кухню.

– Откуда ты узнала, что я вернусь так рано? – спросил он.

– Ничего я не узнавала, – сказала она, – просто увидела, как ты подъехал. Будешь яичницу с беконом? Сейчас принесу. Ты пока садись.

– Отлично. – Он взялся за спинку стула и окинул взглядом столовые приборы. – Сажусь.

Он сел. Элис подошла, чмокнула его в лоб и отправилась за яичницей.

– Ну и что? – крикнула она с кухни.

– Что – что?

– Как все прошло?

– Что – прошло?

– Ты сам знаешь что, – сказала она. – Твой знаменательный день. Клятвы и все такое. Кто-нибудь приехал?

– Конечно, – сказал он, – все приехали.

– А можно отсюда поподробнее?

Она стояла в дверях кухни со сковородкой в руках и буквально сверлила его взглядом.

– Вы же о чем-то говорили?

– В смысле? – Он наклонился и почти лег грудью на стол. – Ну да.

– Ну и как, хорошо поговорили?

– Понимаешь, мы…

– Да неужели?

Перед глазами у него маячила пустая тарелка.

И прямо в нее стали капать слезы.

– Да хорошо, хорошо мы поговорили! – проорал он. – Легче сдохнуть – как хорошо мы поговорили…

Пересадка сердца

– Что? – рассеянно переспросил он, лежа на спине и глядя в потолок.

– Что слышал, – ответила она, лежа на спине рядом с ним и держа его за руку, при этом не просто глядя в потолок, а уставившись в него с таким видом, как будто там действительно что-то было. – Понятно?

– Ну ладно, повтори еще раз, – сказал он в темноту.

– Я спросила, смог бы ты… заново влюбиться в свою жену, – выдержав долгую паузу, сказала она. – Вернее, хотел бы – или нет?

– Странный какой-то вопрос.

– Ничего странного. Все очень даже логично. Ведь это самое ценное, что может быть в жизни – когда жизнь складывается так, как и должна складываться жизнь. А тогда почему бы людям не влюбляться снова и снова в одного человека, чтобы продлить свое счастье? Ведь у вас с Анной была такая любовь…

– Ну да, была.

– Такое ведь не забывается.

– Это уж точно.

– Тогда скажи, только честно: ты бы хотел это повторить?

– Спроси лучше, мог ли бы я…

– Мог не мог, сейчас не об этом. Представь, что обстоятельства изменились наилучшим образом, что твоя жена вдруг стала опять такой же идеальной, какой была раньше, как ты ее описывал. А не как сейчас. Тогда – хотел бы?

Он повернулся и даже привстал на локте.

– Странная ты какая-то сегодня. Что-то случилось?

– Не знаю… Наверное, ничего – кроме того, что завтра мне исполняется сорок лет. А тебе через месяц – сорок два. Я слышала, что в сорок два года у всех мужиков едет крыша. Значит, у женщин она начинает ехать на два года раньше. Знаешь, я вдруг поняла, что мне ужасно стыдно. Стыдно за нас – и вообще за всех. Ну почему люди – такие сволочи? Почему они не могут просто любить одного и того же человека всю жизнь? Как им только совесть позволяет сначала любить одних, потом находить других – и с ними опять смеяться, и плакать, и все вообще, ну как?

Он протянул руку и дотронулся до ее щеки – она была влажной.

– Ты что, плачешь?

– Ничего я не плачу. Грустно все это – вот что я тебе скажу. И очень жалко людей. Нас жалко. И их жалко. И вообще всех. Неужели вот так было всегда?

– Думаю, да. Просто обычно об этом никто не говорит.

– А знаешь, я завидую тем, кто жил сто лет назад…

– Не завидуй тому, не зная чему. Думаю, сто лет назад крыша ехала у людей еще похлеще, только под маской благопристойности.

Он наклонился и поцеловал ее прямо в слезы, катившиеся из глаз.

– И все-таки – что же у нас такое приключилось?

Она села в кровати. Почему-то у нее было такое чувство, что ей некуда девать руки.

– Черт знает что… – сказала она. – Во всех романах и фильмах герои, когда лежат в постели, всегда прикуривают сигареты. А мы, как назло, оба некурящие… – Она наконец пристроила руки, скрестив их на груди. – А Роберт? – вдруг сказала она. – Ведь когда-то я по нему с ума сходила, а теперь что? Теперь я лежу здесь с тобой и занимаюсь любовью, хотя должна быть сейчас дома, рядом с ним. Со своим мужем, который в свои тридцать семь – хуже ребенка. Господи, бедный Боб…

– Ну, что ж поделать…

– И Анна тоже. Она же такая классная… Ты хоть понимаешь, насколько она классная?

– Да, конечно. Но я стараюсь не думать об этом, зачем? В любом случае она – не ты.

– А что, если бы вдруг… – Она обхватила колени руками и устремила на него взгляд безупречно синих глаз. – Если бы она вдруг стала мной?

– Не понял? Переведи… – Он зажмурился и потряс головой.

– Если бы те хорошие качества, которые ты всегда ценил в ней, чудесным образом соединились с теми, которые ты нашел во мне, – и соединились в ней одной? Вот тогда ты захотел бы? Смог бы полюбить ее снова?

– Так, еще немного – и я тоже начну жалеть, что я не курю! – Он спустил ноги на пол и уставился в окно. – Какой смысл задавать вопросы, на которые не может быть ответа?

– Почему это не может? – Теперь она обращалась к его спине. – У тебя есть то, чего нет у моего мужа, а у меня – то, чего нет у твоей жены. В чем проблема? Двойная пересадка души… ну, в смысле сердца… туда-сюда и все дела! – Она хихикнула, но смех получился больше похожим на всхлип.

– Слушай, прямо готовый сюжет для рассказа. Или даже романа. Ну, или для сценария кино…

– С той разницей, что этот сценарий – про нашу жизнь. И мы уже так завязли в нем, что мама не горюй. Остается только…

– Что?

Она встала и принялась ходить по комнате кругами и в конце концов остановилась у окна, за которым было видно звездное летнее небо.

– Знаешь, в чем весь ужас? Последнее время Боб стал относиться ко мне… так же, как в прежние времена. Он просто нереально нежен со мной. Вот уже месяц.

– О да, это, конечно, ужасно… – Он вздохнул и закрыл глаза.

– Да, ужасно!

Повисло долгое молчание. Наконец он подал голос:

– Ты знаешь… И Анна тоже стала гораздо лучше ко мне относиться.

– Ужасно… – шепотом повторила она и на некоторое время закрыла глаза.

Потом открыла, посмотрела на звезды за окном и повернулась к нему:

– Помнишь такую поговорку: «Если превратить все «хочу» в лошадей, на земле не будет пеших людей»?

– Опять ты говоришь загадками. Может, хватит уже…

Она подошла, села перед ним на колени – прямо на пол, и, взяв его руки в свои, заглянула ему в глаза.

– Послушай… Мой муж, твоя жена – оба сейчас в отъезде. В разных городах, далеко друг от друга: один в Нью-Йорке, другая – в Сан-Франциско. Так? А ты тут, в номере, спишь со мной, у нас свидание, и мы будем вместе до утра. Знаешь, у меня есть идея. А давай… – Она запнулась, как будто на ходу придумывала, что сказать. – Давай перед сном сильно-сильно захотим… кое-что.

– Как-как ты сказала – кое-что? – Он многозначительно ухмыльнулся.

– Не смейся! – Она шлепнула его по руке и продолжала: – Кое-что, которое с божьей помощью – или нет, с помощью всех муз, граций и богинь, и колдовства, и магии, и черт знает чего еще, – но только обязательно сбудется. Чтобы к утру мы с тобой оба… – Она снова взяла паузу на обдумывание. – Чтобы мы оба влюбились – ты в свою жену, а я в своего мужа.

Ответа не последовало.

– Ну так что? – сказала она.

Он изогнулся, нащупал на прикроватной тумбочке спички, зажег одну и поднес к ее лицу, чтобы осветить его. В ее глазах горел огонь. Он вздохнул. И спичка погасла.

– Вот беда… – шепотом произнес он, – а я-то надеялся, что это шутка.

– Напрасно надеялся. Лучше признайся: ты же хочешь… попробовать?

– Господи, укрепи меня…

– При чем тут господи? Хватит говорить со мной, как с влюбленной дурой!

– Но послушай…

– Нет, это ты послушай… – Она встряхнула его руки и крепко сжала ладони. – Себя послушай. Или хотя бы меня. Для меня ты можешь это сделать? А я сделаю для тебя.

– Просто загадать желание?

– Ну да, помнишь, как в детстве? Все так делали. И у некоторых сбывалось. Говорят, надо только помолиться посильнее.

Он опустил глаза.

– Я не молился уже лет сто.

– А сколько раз ты мечтал вернуть медовый месяц? И думал, что это несбыточные мечты, что можно и не пытаться?

Он посмотрел на нее и несколько раз судорожно сглотнул.

– Нет, подожди, не говори ничего, – сказала она.

– Почему?

– Потому что ты пока не знаешь, что сказать.

– О’кей, молчу. Включаю мозг. Но ты точно хочешь, чтобы я это для тебя загадал?

Она обиженно отодвинулась и села на полу, обхватив колени и закрыв глаза. По ее щекам одна за другой беззвучно сбегали слезы.

– Ну, перестань, ну, пожалуйста… Хватит… – ласково сказал он.

Было уже три часа ночи, разговор был окончен, они заказали в номер горячего молока, выпили его и почистили зубы. Когда он вышел из ванной, то увидел, что она расправляет одеяло, раскладывает и взбивает подушки, как будто готовит декорации для нового спектакля.

– И что мне уготовано на сей раз? – спросил он.

Она обернулась.

– Было время, когда у нас таких вопросов не возникало… Но, видно, прошло. Просто иди и ложись вот сюда… – Она похлопала ладонью по его половине постели.

Он обошел кровать.

– Чувствую себя полным идиотом.

– Знаешь, иногда стоит почувствовать себя идиотом. Без «плохо» и «хорошо» не бывает. – Она снова указала ему на постель.

Он старательно лег головой на взбитую подушку, натянул до груди одеяло, а руки аккуратно сложил поверх.

– Так нормально? – спросил он.

– Просто отлично.

Она выключила свет, скользнула под одеяло со своей стороны, взяла его руку и тоже легла головой точно в середину подушки.

– Устал, хочешь спать?

– Пожалуй, да, – сказал он.

– Ну, хорошо. А теперь сосредоточься. Говорить ничего не надо. Только думай. Ты сам знаешь о чем.

– Знаю.

– Закрой глаза. Вот так. Хорошо.

Она тоже закрыла глаза, и теперь они оба лежали, скрестив руки поверх одеяла и отчетливо слыша собственное дыхание.

– Глубоко вдохни… – прошептала она.

Он сделал вдох.

– Теперь выдохни.

Он выдохнул.

И она тоже.

– Вот теперь можно, – тихо сказала она, – загадывай.

В тишине часы отмерили тридцать секунд.

– Загадал? – почти шепотом спросила она.

– Загадываю, – негромко отозвался он.

– Молодец, – шепнула она. – Спокойной ночи.

Прошло около минуты, и он почти беззвучно ответил из темноты:

– Прощай.

Он толком не понял, от чего проснулся. Наверное, увидел что-то во сне. Например, что под ним разверзлась земля или где-то случилось землетрясение или второе пришествие Христа, которое никто не заметил… А может, просто луна залетела в комнату, покружила над ними, быстренько заколдовала всю мебель и обстановку, дала им другие лица, заменила плоть на их скелетах, а потом внезапно повисла в тишине – и вот как раз в этот момент он открыл глаза. Открыл – и прислушался. Нет, на улице точно не было дождя. Может, это чей-то плач…

Так он некоторое время лежал, пока вдруг не понял, что загаданное желание каким-то неведомым образом сбылось.

Конечно, это дошло до него не сразу. Сначала он ощутил в воздухе незнакомое тепло – оно исходило от прекрасной женщины, которая лежала рядом.

Потом уловил ее чистое, размеренное и безмятежное дыхание. Неужели это правда: пока она спала, волшебное заклинание вступило в свои права и начало действовать? Она сама еще не знает об этом, а оно уже проникло к ней в кровь и празднует там победу. И в сон к ней оно проникло тоже и теперь шепчет свой секрет с каждым вздохом…

Он привстал на локте, боясь поверить собственной догадке.

Склонился и заглянул ей в лицо – еще никогда оно не казалась ему таким красивым.

В этом лице было все: и мир, и покой, и высшая истина. Она улыбалась во сне. Открой она сейчас глаза – они бы зажглись светом изнутри.

Ну, проснись – так и хотелось сказать… Вот же твое счастье. Ты можешь взять его. Только проснись…

Он протянул руку, чтобы дотронуться до ее щеки, но отдернул ее, потому что в этот момент ее веки вздрогнули… А губы приоткрылись.

В одну секунду он оказался на своей половине кровати – и замер там, притаившись и выжидая.

Наконец он услышал, что она поднялась и села на кровати. После этого она вдруг вскрикнула – как будто кто-то шутливо пихнул ее в бок, повернулась к нему, потрогала, поняла, что он еще спит, – и села рядом, пытаясь осознать то, что он уже осознал.

С закрытыми глазами он слышал, как она встала и принялась порхать по комнате, словно птица, которая хочет вырваться на волю. Подошла к нему, поцеловала его в щеку, убежала, опять подошла, опять поцеловала, а потом с тихим смехом убежала в гостиную. Он услышал, как она набирает длинный междугородний номер, и зажмурился.

– Роберт? – произнес ее голос. – Боб? Ты где? То есть, ой, извини… Что это я… Я же знаю, где ты. Роберт… Боб, о господи, скажи: можно я сегодня к тебе прилечу? Ты будешь на месте, ты меня встретишь – сегодня вечером? Это ничего?.. Не спрашивай. Не знаю, что на меня нашло. Так я приеду? Да? Скажи: да? Ну, классно… Пока!

Он услышал, как она положила трубку.

А через пару минут высморкалась и вошла в комнату. Села рядом с ним на кровать – прямо в первый рассветный луч. И начала стремительно одеваться. На этот раз он протянул к ней руку и тронул ее за плечо.

– Что-то такое произошло… – прошептал он.

– Да.

– Желание сбылось?

– Да. Я знаю, что этого не может быть. Но это так и есть! Как это получилось? Ну, скажи – как?

– Наверное, потому что мы оба в это поверили… – тихо сказал он. – Я очень-очень сильно тебе это пожелал.

– А я – тебе. Боже, как это здорово, что у нас все получилось, у обоих… Что мы оба изменились – прямо за одну ночь! Ведь это было бы так ужасно, если бы

один из нас изменился, а другой так и остался прежним…

– О да, ужасно, – подтвердил я.

– Ну правда же это чудо? – продолжала она. – Чудо, что мы просто сильно-сильно захотели и кто-то, или что-то, или Бог, или, я не знаю кто, нас услышал? И вернул нам нашу старую любовь, чтобы мы стали лучше и чище душой, чтобы мы жили правильно… Наверное, такое возможно только один раз. Больше уже ведь никогда ничего не исполнится, как ты думаешь?

– Не знаю. А ты как думаешь?

– Слушай, а может, это наши внутренние голоса нам сказали: все, ваше время истекло, теперь приходит другое время, а вам обоим пора закругляться, – может, в этом все дело?

– Да какая разница. Главное – это, что я слышал, как ты звонила. И как только ты уйдешь, я тоже позвоню. Анне.

– Правда позвонишь?

– Правда.

– Господи, как же я рада – за тебя, за себя и вообще – за нас!

– Ну все, теперь можешь уходить. Давай иди. Зеркалом дорога. Приятного полета.

Она вскочила, как по команде, решительно вставила в волосы гребень и тут же вытащила обратно.

– Ладно, плевать – пойду лохматая, – сказала она и нервно засмеялась.

– Ничего не лохматая – очень даже красивая.

– Для тебя, может, и красивая.

– Для всех и всегда.

Она наклонилась и поцеловала его, проглотив слезы.

– Это что – наш последний поцелуй?

– Ну да… – Он задумался. – Получается, что последний.

– Тогда… еще один.

– Но только один.

Она взяла в ладони его лицо и посмотрела ему прямо в глаза.

– Спасибо тебе за твое пожелание, – сказала она.

– А тебе – за твое.

– Ты прямо сейчас будешь звонить Анне?

– Прямо сейчас.

– Передавай ей привет.

– А ты – Бобу. Ну, с богом, дорогая. До свидания.

Она вышла сначала из комнаты, потом и из номера, а потом за ней захлопнулась дверь. Было слышно, как в гулкой тишине цокают ее каблуки, пока она идет по коридору к лифту.

Он сидел, тупо уставившись на телефон, но не двигался с места.

Потом взглянул в зеркало и обнаружил, что из глаз у него ручьями текут слезы.

– Ну что? – спросил он у своего отражения. – Допрыгался? Трепло… – И, помолчав, уточнил: – Поганое трепло…

Он снова лег на кровать, вытянул руку и потрогал ладонью пустую соседнюю подушку.

Quid pro quo[3 - От лат. – Услуга за услугу (лат.).]

Трудно сконструировать Машину времени, если вы не определились с пунктом назначения. Куда вы хотите попасть? В Каир нашей эры, после Рождества Христова? В Македонию времен до Мафусаила? Или в Хиросиму, еще до того? Нужны конкретные пункты назначения, города, события…

А вот мне удалось построить Машину времени просто по наитию, без всяких маршрутов, направлений и дат, не думая, куда я прибываю, когда отбываю…

Я сконструировал свой «Аппарат для дальних путешествий» из фрагментов паутины нервного узла, отвечающего за восприятие и интуитивное мышление. Пристроил его к внутренней поверхности medulla oblongata[4 - Продолговатого мозга.] и выступам позади зрительного нерва. А потом между участком мозга, отвечающим за скрытые намерения, и невидимым радаром ганглия внедрил перцептор, распознающий прошлое и будущее – и, что характерно, без всякой привязки к названиям мест или эпохальным событиям. А также применил еще одно мое изобретение, правда, столетней давности. Часы с микроволновыми антеннами, которые безошибочно делают нравственный выбор в ситуациях, когда человеческий разум бессилен.

В итоге у меня получилась машина, которая просчитывала и подводила к некоему общему знаменателю всю цепь взлетов и падений человечества, а потом сама выбирала, куда ей отправиться. При этом я выступал у нее чем-то вроде багажа.

Знал ли я, что получится, в тот момент, когда склеивал, свинчивал и спаивал сие весьма странное на вид механическое детище? Отвечаю: нет, не знал. Я просто тасовал, как карты, понятия, потребности, суждения, предсказания, успехи и

неудачи… И в конце концов обнаружил себя с удивлением взирающим на плоды своего творчества.

Теперь у меня на чердаке стоял странный объект, сверкающий всеми своими углами и гранями, который урчал в предвкушении путешествий. Достаточно было снять его со «стопа» и нажать на «старт». Всего одну кнопку – никаких маршрутов и направлений. Главное – вовремя передать сенсорам свое настроение, то есть «излучение души».

И вот тогда он взмоет ввысь и помчится бог знает куда. В прямом смысле этого слова. Потому что о том, куда он прибудет, действительно знает только Бог.

А нам будет даровано узнать лишь по прибытии.

Собственно, отсюда и начинается мой рассказ.

Вот оно, притаилось в сумраке чердака – затаив дыхание, трепеща всеми своими паутинками – неведомое чудище с двумя сиденьями для Туристов…

Почему на чердаке?

Ну, так ведь это не летательный аппарат для затяжных прыжков, а устройство для погружений в глубины Времени.

Просто – Машина времени. На чердаке. Стоит и ждет. Остается только выяснить – чего?

Дело было в крохотном книжном магазинчике в Санта-Барбаре. Я подписывал книжки жалкой кучке поклонников – ну, собственно, каков роман, столько и почитателей… И вдруг – взрыв. Нет, даже не взрыв – этого мало, чтобы описать, с какой силой я отшатнулся.

Меня прямо впечатало в стену – ровно в ту секунду, как я поднял взгляд и увидел в дверях древнего, немощного старика, который стоял, покачиваясь и не решаясь войти. Он был прямо как ходячая смерть: все лицо в морщинах, мутные, абсолютно остекленевшие глаза, губы трясутся, из угла рта стекает слюна… При виде меня он тоже вздрогнул, как будто его поразила молния, и стал хватать

воздух ртом.

Я вернулся было к своим автографам, как вдруг в голове у меня что-то щелкнуло. Я снова взглянул на старика.

Тот все так же стоял в дверном проеме – шатаясь, как пугало на ветру, вытянув шею вперед и мучительно напрягая взгляд.

Я так и похолодел. Прямо сидел и чувствовал, как в жилах стынет кровь. А потом у меня из пальцев вообще выскользнула ручка, потому что патлатая ходячая смерть вдруг покачнулась, загоготала и с вытянутыми руками двинулась ко мне.

– Вы… вы помните меня? – неистово хохоча, выкрикнула она.

Я последовательно оглядел его с головы до ног – седые волосы, паклей висевшие вдоль лица, серую щетину на щеках, выгоревшую добела рубашку, грязные джинсы, из которых торчали костлявые ноги в сандалиях, – а затем снова перехватил полубезумный взгляд.

– Ну же? – Он расплылся в улыбке.

– Не думаю…

– Это же я – Саймон, Кросс! – выпалил он.

– Кто?

– Ну, Кросс! – с мольбой в голосе повторил он. – Саймон Кросс!

– Саймон Кросс?! – Я подскочил так, что у меня упал стул.

Да что стул – мои поклонники с книгами тоже чуть не попадали в обморок. А старик прикрыл глаза и беззвучно затрясся.

– Ах ты, подонок! – Слезы в одну секунду подступили у меня к глазам. – Это ты – Саймон Кросс? Господи, что же ты с собой сделал?

Крепко зажмурив глаза, он поднял руки, как будто пытался защититься от моих воплей. Жалкие, дрожащие, узловатые руки.

– Боже праведный, как это возможно? – воскликнул я. – Как ты смог сотворить такое со своей жизнью?

Одним ударом небо разверзлось у меня над головой – и я переместился на сорок лет назад, в свои тридцать три, в самое начало своей карьеры.

Передо мной стоял Саймон Кросс, девятнадцати лет от роду – ослепительно красивый, с невинным взором ясных глаз, – он весь словно светился изнутри, как будто у него в тело была встроена стоваттная лампочка. В руках он держал толстую пачку рукописей.

– Сестра сказала, что… – радостно начал он.

– Знаю, знаю… – перебил его я. – Я прочел вчера ваши рассказы – те, что она мне давала. Вы – гений.

– Ну, я так не считаю… – сказал Саймон Кросс.

– А я считаю. Приносите еще рассказов, да побольше. Я готов продать их все до одного прямо не глядя. Это я вам, как друг гения, говорю, а не как литературный агент.

– Ну, зачем вы так… – смутился Саймон Кросс.

– А что тут еще скажешь? Такие, как вы, встречаются раз в жизни.

Я бегло просмотрел его новые рассказы.

– Черт меня возьми… Да. Да! Это великолепно. Я продам это все до строчки, и без всякой комиссии.

– Будь я проклят!

– Не проклят, а благословлен свыше. Да ты уже благословлен – генетически.

– Я не хожу в церковь.

– А тебе и не надо, – сказал я. – Ну, все, можешь быть свободен. Мне нужно немного прийти в себя. Нельзя быть таким гениальным – это богохульство. Рядом с тобой я чувствую себя каким-то дворовым псом. И восхищаюсь, и завидую. И почти ненавижу. В общем, катись к чертовой матери!

Саймон Кросс ошалело улыбнулся и вышел, а я остался сидеть – и пачка обычной белой бумаги буквально жгла мне пальцы. Не прошло и двух недель, как я продал эти сказки – все до одной. Сказки, написанные девятнадцатилетним мужчиной-ребенком, который при помощи обычных слов мог и ходить по воде, и свободно парить в воздухе.

Сказать, что они потрясли всю страну – это не сказать ничего.

– Где ты откопал этого писателя? – спрашивали меня.

– Да это же просто внебрачный сын Эмили Дикинсон от Скотта Фицджеральда[5 - Эмили Дикинсон (1830–1886) – авангардная для своего времени американская поэтесса.Скотт Фицджеральд (1896–1940) – известный американский писатель, автор романа «Великий Гэтсби».]. Ты – его агент?

– Нет. Ему не нужен агент.

После этого Саймон Кросс написал еще с десяток рассказов, которые сразу с конвейера ушли в печать и тоже получили признание критики.

Саймон Кросс. Саймон Кросс. Саймон Кросс…

Я был его отцом-прародителем, его живым первооткрывателем. Я был его завистником – и другом, который прощал ему все.

Саймон Кросс.

А потом случилась… Корея.

Я помню, как он стоял на крыльце моего дома в белой морской униформе, загорелый, пока еще не бритый под ноль, и, казалось, глазами готов был выпить весь этот мир до дна. В руках он сжимал свой последний рассказ.

– Возвращайся скорей, милое дитя, – сказал я.

– Какое я вам дитя?

– Вечное дитя Господа, вечный его свет. Ты должен жить. Не поддавайся славе.

– Ладно, не буду. – Он обнял меня и убежал.

Саймон Кросс. Саймон Кросс.

Война закончилась, время ушло – и он пропал. Неподражаемый гений, чудо-ребенок… Пропал на десять лет, потом – еще на двадцать. И все это время – только слухи. Говорили разное. Что он осел где-то в Испании. Женился на хозяйке замка. Стал чемпионом в стрельбе по голубям. Кто-то клялся, что видел его в Марокко или в Марракеше… И вот пролетает еще десяток лет – и после сорокалетнего молчания он вдруг вырастает на пороге 1998 года, пугая моих охотников за автографами – и словно издеваясь над самим фактом существования моей Машины времени. Пусть даже она бесцельно простаивает на чердаке, питая меня иллюзиями о том, что Время у меня в руках.

Саймон Кросс, мать его. Саймон Кросс…

– А ну, пошел отсюда, урод! – проорал я на весь магазин.

Ходячая смерть испуганно отпрянула – и инстинктивно закрыла руками лицо.

– Какого черта – где ты пропадал все это время?! – продолжал вопить я. – Как ты вообще до такого докатился? Господи, ты только посмотри, что с тобой стало… Ну-ка, выпрямись! Это вообще ты?

– Да я, я – только…

– Заткнись, ничтожество! Лучше скажи, что ты сделал с тем прекрасным юношей? Мерзкая ты харя…

– Каким еще… юношей? – прошамкала ходячая смерть.

– С собой – с каким же еще! Ты же был – гений. Весь мир валялся у твоих ног. Ты мог писать вверх ногами и задом наперед – из-под твоего пера выходили только перлы! Жемчуга самой высокой пробы! Ты хоть сам понимаешь, что ты наделал?

– Ничего не наделал…

– Ничего… Вот именно, что ничего! Да тебе достаточно было только свистнуть, только мигнуть – и у тебя бы было все!

– Не бейте меня!

– Не бить? Да тебя убить мало! Не бейте! Врезать бы тебе как следует!

Я огляделся в поисках тупого тяжелого предмета. Но обнаружил только собственные кулаки. Бросив на них отчаянный взгляд, я уронил руки.

– Да ты… ты вообще знаешь, что такое жизнь, ты, безмозглый придурок? – выпалил я.

– Жизнь? – выдохнул старец.

– Да, да – жизнь. Это сделка. Сделка, которую ты заключаешь с Богом. Он дает тебе жизнь, а ты должен что-то отдать взамен. Это не подарок, нет. Это – кредит. Ты не можешь только брать, ты должен и отдавать. Quid pro quo!

– Кви – про что?

– Pro quo! Рука руку моет. Берешь в долг – и платишь по счетам. Что взял, то и отдал. А ты, сволочь! Пустил все с молотка! Боже мой, тысячи людей отдали бы все, чтобы им достался такой талант… Умерли бы за то, чтобы на минуту стать такими, как ты! Каким ты был раньше, не сейчас! Господи! Да лучше бы ты мне отдал свое тело, свой мозг: тебе они все равно не пригодились… Но нет! Нет, ты

предпочел превратить их в хлам. Потерять все – и навсегда… Ну, как ты мог? Что это вообще? Убийство – самоубийство? Или – и то, и другое вместе? Тьфу… Будь ты проклят! Ненавижу тебя!

– Меня? – едва не задохнулся старец.

– Посмотри сюда! – выкрикнул я и повернул его лицом к зеркалу. – Смотри! Что это такое?

– Это я… – проблеял он.

– Нет, это не ты. Это юноша, которого ты, скотина, загубил.

Я уже занес кулак, чтобы врезать ему, – и вдруг меня самого как током ударило. Перед глазами всплыл чердак, на чердаке – машина, ожидающая неизвестно чего и созданная неизвестно зачем. С двумя сиденьями для путешественников неизвестно куда…

Кулак застыл в воздухе, как будто воспоминание о чердаке образумило его. Я увидел на столике вино и схватился за бутылку.

– Вы… ты что, будешь меня бить? – зажмурив глаза, спросила ходячая смерть.

– Нет! Пей.

Старик открыл глаза и обнаружил у себя в руке стакан.

– А я от этого уменьшусь или подрасту? – с умалишенным видом спросил он.

Тоже мне – Алиса в кроличьей норе. Нашла бутылочку с надписью «Выпей меня» и ждет, в кого ей превращаться – в великана или в карлика…

– Или еще что-нибудь? – уточнил он.

– Пей давай!

Он выпил, а я налил ему еще, до краев. Дивясь милости, которая столь внезапно сменила мой гнев, он выпил и второй стакан, и третий, пока его не прошибла слеза.

– А зачем?

– А затем! – сказал я, после чего решительно выволок на улицу это пугало и, едва не покалечив, запихнул его в свой автомобиль.

Всю дорогу я мрачно молчал, а Саймон Кросс, этот мерзкий недоносок, постоянно что-то бубнил.

– А куда?

– На кудыкину гору!

Мы свернули к моему дому. Я забросил его тело внутрь и сразу потащил его на чердак, старясь по дороге не сломать ему шею.

Наконец мы оба, покачиваясь, стояли перед моей Машиной времени.

– Теперь я знаю, для чего я все это строил, – сказал я.

– Что строил? – выкрикнул Саймон Кросс.

– Закрой рот и залезай!

– Это что – электрический стул?

– Кому как. Лезь давай!

Он влез на сиденье, я пристегнул его, а сам занял соседнее место. И поднял рычаг.

– Это что? – спросил Саймон Кросс.

– Не что, а куда! – ответил я.

После этого я стремительно ввел в машину год/месяц/день/час/минуту, потом еще быстрей – страну/город/улицу/квартал/дом/квартиру, а затем установил переключатель в режим туда/обратно.

И мы сразу тронулись – закрутились датчики скорости, отматывая назад годы, солнца, луны… Мы даже оглянуться не успели, как наша машина растворилась в тишине. Приехали.

Саймон Кросс посмотрел вокруг ничего не понимающим взглядом.

– Где мы? – промычал он. – Это вроде мой дом?

– Да, твой.

Я вытащил его и поставил на лужайку перед домом.

– А теперь посмотри вон туда, – сказал я.

На крыльце стоял молодой красавец в белой морской униформе, который сжимал в руке пачку рукописей.

– Это же я! – воскликнула ходячая смерть.

– Вот именно. Ты! Саймон Кросс.

– Здравствуйте! – крикнул нам с крыльца молодой человек в новенькой униформе и нахмурил лоб, пытаясь понять, что со мной не так. – Как-то вы сегодня… странно выглядите, – после чего с опаской указал на постаревшего себя. – А это – кто?

– Это – Саймон Кросс.

Они молча посмотрели друг на друга – старый и молодой.

– Это не Саймон Кросс, – сказал юноша.

– Это точно не я, – сказал старец.

– Точно.

И они оба медленно перевели взгляд на меня.

– Я ничего не понимаю, – сказал девятнадцатилетний Саймон Кросс.

– Верните меня обратно! – взмолился старый.

– Куда?

– Туда, откуда мы пришли, где бы это ни было! – в ужасе прокричал он.

– Уходите… – сказал молодой человек и попытался ретироваться.

– Нет уж, ты погоди, – сказал я. – Лучше присмотрись хорошенько. Вот во что ты превратишься, если потеряешь сам себя! Это ведь действительно Саймон Кросс. Только сорок лет спустя.

Юный моряк внимательно оглядел старика сначала сверху вниз, потом снизу вверх. Потом посмотрел ему в глаза – и весь покраснел от злости. Руки его сами собой сжались в кулаки. И разжались – и снова сжались. Некоторое время между двумя Кроссами происходил какой-то незримый диалог – на уровне энергий и вибраций. Потом тот, что моложе, очнулся.

– Так кто ты? – спросил он.

– Саймон Кросс, – прошамкала ходячая смерть.

– Ах ты, подонок! Чтоб ты сдох! – воскликнул юноша и со всего размаху ударил его по лицу, а потом еще раз и еще…

Крепко зажмурив глаза, старик стоял под градом ударов, как под освежающим ливнем, словно наслаждался стихией насилия. И вскоре упал на землю – прямо под ноги себе молодому.

– Он что, умер? – спросил юноша, тупо уставившись на тело.

– Ты убил его.

– Туда ему и дорога.

– Пожалуй.

Молодой человек поднял на меня взгляд.

– Я тоже умер?

– Ты – нет. Но только если ты действительно хочешь жить.

– Я хочу жить. Хочу!

– Тогда уезжай отсюда. А я заберу его обратно – туда, откуда мы пришли.

– Почему вы делаете все это? – спросил меня Саймон Кросс, девятнадцати лет от роду.

– Потому что ты – гений.

– Вы все время так говорите.

– Это так и есть. А теперь беги. Иди.

Он прошел несколько шагов и обернулся.

– Это мой второй шанс? – спросил он.

– Будем надеяться, – сказал я, а потом добавил: – Только помни об этом. Не поселяйся в Испании и не становись чемпионом стрельбы по голубям в Мадриде.

– Клянусь, что не буду чемпионом стрельбы по голубям нигде!

– Точно не будешь?

– Нет.

– И никогда не превратишься в ходячую смерть? И мне не придется тащить тебя сквозь время, чтобы ты встретился с собой молодым?

– Нет! Никогда.

– И будешь помнить об этом всю жизнь?

– Буду.

Он повернулся и зашагал по улице.

– Ну, пошли, – сказал я, обращаясь к лежащему на земле телу, а вернее, к бесполезной куче тряпья. – Сейчас засунем тебя в машину, подберем тебе подходящую могилку…

Уже сидя в машине, я бросил прощальный взгляд на улицу.

– Удачи тебе, Саймон Кросс, – прошептал я.

Потом нажал на пуск – и исчез в будущем.

После бала

Огни над зданием с облупившейся вывеской «Танцевальный зал Майрона» замигали, готовясь погаснуть, крошечный оркестрик заиграл «Good night, Ladies»[6 - «Спокойной ночи, дамы» – популярная американская песня, обычно исполняемая в финале менестрель-шоу.], послышались вздохи разочарования, которые тут же переросли в гул голосов: из выходов с шуршанием и шарканьем потянулись на улицу черные тени, музыка смолкла, огни мигнули в последний раз и погасли.

Затем распахнулась дверь черного хода, из нее появилась группа из пяти или шести музыкантов, которые, сгибаясь под тяжестью неподъемных под конец дня инструментов, быстро разбрелись по машинам, чтобы не вливаться в галдящую толпу на лестнице. Пока бальные танцоры – примерно шестьдесят женщин глубоко «за…» и почти столько же мужчин – перемещались вниз, машины с музыкантами уже уехали в ночной туман, ползущий одновременно с моря и с гор.

Внизу праздничная толпа разделилась на две части: человек тридцать выстроились в очередь на южной стороне улицы, чтобы уехать на трамвае местных линий, а остальные, почему-то гораздо более шумные и веселые, перешли на другую сторону ждать трамвая дальнего следования, который должен был перебросить их на Тихоокеанское побережье.

Дрожа от ночного холода, который обычно в Калифорнии сменяет дневную тридцатиградусную жару, мужчины бормотали себе под нос ругательства, а дамы в разноцветных вечерних платьях старательно вглядывались в убегающие вдаль рельсы, как будто это могло ускорить прибытие транспорта.

И в конце концов каким-то загадочным образом ускорило.

– Идет! Идет! – вскричали дамы.

– Не прошло и года… – поддержали разговор кавалеры.

И те, и другие почему-то избегали друг на друга смотреть. Даже когда, рассыпая искрами и выпуская пар, прибыл огромный, как трансконтинентальный экспресс, сдвоенный трамвай и кавалеры в мятых пропотевших смокингах стали подсаживать нарядных дам на подножку, они старались не пересекаться с ними взглядами.

– Алле – гоп!

– Большое вам мерси!

– Все для вас, все для вас!

Сами мужчины запрыгнули в вагон в последний момент, как в шлюпку при кораблекрушении.

И вот, звякнув колокольчиком и издав клаксонный гудок, трансконтинентальный экспресс, который сегодня – чисто по случайности – шел только до Вениса (отсюда – всего километров пятьдесят), сдвинулся с места и пошлепал к месту своего прибытия в час ночи.

Это вызвало бурный восторг как у утомленных недорогими удовольствиями дам, так и у мужчин, мечтавших поскорее отстегнуть накрахмаленные белые манишки и ослабить галстуки.

– Вы не откроете окошко: что-то так душно…

– Ой, вы не закроете окошко, а то я замерзла!

Разделившись таким образом на жителей Арктики и уроженцев экватора, престарелые и запоздалые дети субботы пустились в свое безопасное плавание без айсбергов – к берегам непуганых надежд.

Двое из них – мужчина и женщина – сидели в первом вагоне, прямо за спиной машиниста, и, словно завороженные, смотрели, как он размашистыми движениями дирижера двигает медные рычаги и напряженно всматривается в туман, из которого в любой момент могла выскочить причина крушения.

Некоторое время они сидели молча и только покачивались, в то время как трамвай, оглушительно грохоча железом по железу, мчал их из царства Майрона[7 - Очевидно, имеется в виду Майрон Хили (1923–2005) – известный американский актер, родом из Калифорнии, игравший в фильмах в жанре вестерн.] в царство Нептуна[8 - То есть на море.].

Наконец дама произнесла:

– Вы не против, если я сяду у окна?

– Да-да, конечно… Я как раз хотел вам предложить.

По гладкой деревянной скамье она переползла на место возле окна и тут же уткнулась взглядом в проплывающие в темноте дома и деревья – и ночное, но совсем не звездное небо, на котором маячила одинокая двурогая луна…

– О чем вы думаете? – спросил он.

Проходит все… проходит все… проходит все…

– Вы никогда не думали, что… – вполголоса проговорила она, не отрывая взгляда от своего прозрачного отражения в оконном стекле, – что когда эта старая громыхающая груда железа тащит нас за собой по рельсам, то мы и вообще вся земля… все мы движемся как бы внутри времени, причем не вперед, а назад…

– Нет, не думал, – сказал он, едва не свернув шею, чтобы заглянуть ей в лицо, в то время как она сидела, уставившись в окно, как будто за ним был телевизор, на экране которого шел сериал из трамвайных станций. – Никогда не думал, – добавил он и принялся рассматривать свои руки в белых перчатках.

– А вы подумайте, – еле слышно продолжала она.

– Что?

– Задумайтесь об этом, – с нажимом повторила она.

– И не только об этом, – тихо добавила она, продолжая просмотр ночного канала заоконного телевидения. – Есть еще кое-что, не связанное с перемещением во времени и пространстве. Во всяком случае, я это чувствую.

– Что?

– Мне кажется, что когда я еду… я таю, теряю вес. Чем дальше и чем дольше мы едем, тем легче я становлюсь. Это очень странно. У вас нет таких ощущений?

– Ну, как вам сказать…

– А вы попробуйте, прислушайтесь к себе. Надо только расслабиться. Сначала вы ощутите это в ступнях, потом – в икрах, потом – в коленях… Как невесомость. Как будто вы висите внутри одежды.

Он озадаченно замолчал, предпринимая новые попытки заглянуть ей за плечо и разглядеть ее размытое отражение в стекле.

– Ну же, – все так же тихо сказала она. – Расслабьтесь. Отпустите себя. Не напрягайтесь. Чувствуете?

– Как будто бы да… – Он откинулся, опустил голову и принялся рассматривать свои колени и торчащие из-под пальто обшлага рубашки.

– Не отвечайте сразу, лишь бы что-нибудь сказать, – не поворачиваясь, сказала она. – Попробуйте еще раз, у вас получится.

– Так я уже… – Он вскинул руки в белых перчатках, после чего вцепился себе в колени. – Почти.

– Не врите.

– А я и не вру, – скороговоркой пробормотал он. – С чего мне врать?

– Мужчины всегда врут. Кто-кто, а они это умеют. Оттачивают это мастерство всю жизнь… Может, когда-нибудь надо остановиться?

– Да нет же, – сказал он, – я и вправду это чувствую…

– Умничка, – сказала она. – А теперь помолчите и прочувствуйте это как следует. Во-от. Вот так. Чувствуете?

Он кивнул в ответ.

Красный трансконтинентальный экспресс прогрохотал сквозь очередной приморский поселок, миновал пустырь, потом несколько детских садов – и выехал на открытое пространство.

– Нет, вы просто неподражаемы! – громко сказал он, наклонившись к ее уху.

– Тш-ш… – прошептала она.

– Не спорьте, – шепотом продолжал он. – Вы были сегодня душой компании. Столько интересных историй, столько новых идей… Все слушали вас, открыв рот, что бы вы ни говорили. Скажете им «сделайте то» – и они делают, скажете «сделайте это» – и они опять делают. Даже в сон впадали по вашей команде… Теперь вот и я теряю вес, прямо как вы.

– Я очень рада… – сказала она. – Только т-ш-ш…

Он с беспокойством оглянулся на других ночных пассажиров, которые мерно покачивались в такт движению, совершая долгий забег на короткую дистанцию.

– А вы заметили, что все без исключения – и мужчины, и женщины, – явились на бал в белых перчатках? – спросил он. – И вы, и я – все?

– Да, это интересно… – еще сильнее отвернувшись, сказала она. – И как вы думаете, почему?

– Я думал, вы мне скажете…

Трамвай врезался в новое облако тумана, а он все так же сидел, раскачиваясь взад-вперед и глядя на ее собранные сзади волосы и тоненький темный завиток, дрожавший на шее.

– Простите, а как вас зовут? – сказал он наконец. – Вы говорили там, на балу, но оркестр так громко играл…

Ее губы что-то произнесли.

– Простите, не расслышал?

Ее губы пошевелились еще раз.

И еще.

– Кажется, мы приехали, – сказала она, на этот раз вполне отчетливо.

– А теперь моя очередь представиться, – начал он. – Меня зовут…

– Точно, приехали, – сказала она и проворно поднялась. Пока он сообразил, что трамвай останавливается и она собирается сойти – она уже вовсю шагала по проходу.

Увы, он уже не успевал броситься вперед и опередить ее, чтобы галантно помочь ей сойти с подножки, потому что за окнами промелькнули огни и двери с шипением разъехались. Когда он выскользнул следом за ней в темноту, огромный межконтинентальный трамвай звякнул колокольчиком, прогудел клаксоном и был таков. А она осталась неподвижно стоять на дороге, глядя в ночное небо.

– Думаю, нам лучше уйти с проезжей части, – сказал он. – Тут все-таки движение.

– Какое движение, машин же нет, – пожала плечами она и решительно зашагала через улицу.

Примерно на середине он догнал ее.

– Я хотел сказать, что…

– Надо же, сегодня нет луны, – перебила его она. – Но это даже к лучшему. Настоящая романтика. Зачем нам луна?

– А мне всегда казалось, что луна и лунный свет – это как раз… – начал он.

Но она снова перебила его.

– Никаких лун. Свет нам ни к чему.

Она перешагнула через бордюр и двинулась по дорожке к двухэтажному дому, где занимала одну из четырех квартир.

– Проходим тихо как мыши, – шепотом сказала она.

– Конечно!

– Даже еще тише…

– Слушаюсь, – еле слышно прошептал он.

Они вошли в подъезд и стали подниматься по лестнице – и тут он увидел, что она снимает туфли и делает ему знак глазами, чтобы он снял свои. Несколько ступенек они шли молча, потом она обернулась, чтобы удостовериться, что он не выронил ее туфли, и еще раз прошептала:

– Как мыши…

С этими словами она оставила его одного на темной лестнице, а сама бесшумно проскользнула наверх. Когда он ощупью добрался до площадки, она была уже дома. Ее квартира вмещала в себя одну просторную комнату с двуспальной кроватью посередине, а также небольшую столовую и кухню. С его появлением дверь в ванную бесшумно закрылась, но он все равно услышал.

Через некоторое время оттуда раздалось:

– Ну, что вы стоите? – И он воспринял это как предложение снять смокинг.

После недолгого колебания он снял также манишку, воротник, отстегнул подтяжки – и вместе с брюками повесил их на спинку стула, который обнаружил в сумраке, в глубине комнаты, освещенной лишь ночником и прикроватной лампой. Стоя посреди комнаты в черных носках, майке и кальсонах, он чувствовал себя полностью дезориентированным. То ли ему ложиться в постель,

то ли не ложиться? И как вообще следует вести себя в подобных ситуациях?

– Вы уже там, где должны быть? – вполголоса спросила она из-за двери.

Он бросил взгляд на кровать.

– Да или нет? – еле слышно повторила она.

Он подошел к кровати и произнес:

– Наверное, да.

Вслед за этим жалобно скрипнули пружины.

– Понятно, – сказала.

Дверь ванной распахнулась – и в проеме показался высокий силуэт. Однако разглядеть его как следует он не успел: свет погас, и в комнату прошла уже бестелесная тень.

– У вас закрыты глаза?

Он молча кивнул. Он не услышал, а ощутил, как ее тело коснулось кровати и с легким шорохом скользнуло под одеяло.

– Теперь можете открывать.

Он открыл, но ничего нового, кроме того, что маячило у него перед глазами в трамвае, не увидел – тот же силуэт фигуры без подробностей. Нет, сейчас она была повернута к нему лицом, но хитро поставленный ночник подсвечивал ее сзади и превращал в черную тень. Сколько ни пытался он разглядеть черты ее лица – в том месте тени, где оно предполагалось, это было невозможно.

– Добрый вечер, – сказала она.

– Добрый.

Потом оба глубоко вздохнули, и она сказала:

– Долго же мы ехали.

– Слишком долго. Я так ждал этого момен…

– Не надо, не говорите, – сказала она.

Он снова вгляделся в тень, в верхней части которой читалось тонкое бледное лицо.

– Но…

– Не надо.

Он задержал дыхание, потому что был точно уверен, что через десять секунд она заговорит сама. Так и случилось.

– Меня учили: если начинаешь писать рассказ, никогда не надо заранее придумывать название. Надо просто писать его – и все. Вот когда закончишь, тогда и станет понятно, как его лучше назвать. В общем… лучше помолчим.

Пожалуй, это была самая мудрая мысль, которую она высказала за весь вечер. Она замолчала и, кажется, окончательно превратилась в тень. Даже ночник погас вдруг сам собой, как будто бы без ее участия. После этого в темноте что-то пошевелилось – и на пол рядом с кроватью с ее стороны еле слышно упало что-то мягкое. Внезапно до него дошло, что это было. Перчатки. Она сняла их.

Каково же было его удивление, когда он вдруг осознал, что единственной деталью одежды, которая осталась на его теле, тоже были перчатки… Правда, когда он попытался их снять, выяснилось, что на каком-то этапе он уже их утратил – наверное, тоже уронил за борт, в темноту. Теперь он был полностью гол и беззащитен.

Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но она прервала его:

– Нет-нет, ничего не говорите.

Он почувствовал, что она придвинулась к нему поближе.

– Скажите мне только одну вещь.

Он кивнул, недоумевая, что это может быть.

– Скажите… – очень тихо сказала она.

Ему по-прежнему было не видно ее лица – его черты расплывались, как в окне трамвая, несущегося от станции к станции в бесконечном телевизионном сериале.

– Скажите мне… – повторила она. И он снова кивнул. – Сколько вам лет?

От неожиданности у него отвисла челюсть. Мозг в панике забился, пытаясь отыскать нужный ответ. Она повторила свой вопрос – и явно ждала от него чего-то определенного… И вдруг ему открылась эта абсолютная и удивительная истина. Он закрыл глаза, откашлялся и, наконец, обрел дар речи.

– Мне… – начал он.

– Ну же…

– Мне – восемнадцать. В августе исполнится девятнадцать, рост – метр семьдесят три, вес – шестьдесят восемь, темный шатен, глаза голубые. Свободен.

Ему показалось, он слышал, как она шепотом повторяет за ним каждое слово.

И чувствовал, как ее потерявшее вес тело придвигается к нему все ближе и ближе.

– А теперь скажи это еще раз, – прошептала она.

In memoriam[9 - В память (лат.).]

В тот осенний вечер он ехал по извилистым улочкам, наслаждался погодой и любовался покрывшим все газоны фиолетовым снегом из лепестков палисандровых деревьев. Конечно, исподволь, боковым зрением он замечал их, эти штуки, прибитые возле каждого гаража. Про себя он даже никак не называл их – да и, собственно, к чему ему было про них думать?

Ну, баскетбольные щиты с кольцами. Ну, висят возле гаражей.

Ничего особенного. Никакого скрытого подтекста.

До тех пор, пока не подъехал к своему дому и не обнаружил на тротуаре жену, которая стояла, сложив руки, и наблюдала за неким молодым человеком, который лез на стремянку с отверткой и молотком в руках. Оба были так увлечены, что не замечали его – до тех пор, пока он не хлопнул дверцей машины. Как только молодой человек и жена обернулись, он тут же потребовал объяснений.

– Очень интересно… И что здесь происходит? – резко спросил он, с трудом узнавая собственный голос.

Жена, впрочем, была абсолютно невозмутима.

– Да ничего особенного, – сказала она, – мы просто хотим ее снять. Висит тут непонятно зачем, вот мы и…

Муж снова перевел взгляд на стремянку.

– А ну, слезай оттуда, – сказал он.

– Это почему еще? – спросила жена.

– По кочану – понятно? Слезай – и все!

Молодой человек нервно закатил глаза, но потом кивнул и начал спускаться.

– А теперь отнеси стремянку на место! – сказал муж.

– С каких это пор ты стал набрасываться на людей? И перестань кричать, в конце концов! – сказала жена.

– Я – кричу? О’кей. Пожалуйста, уж будьте добры, уберите отсюда стремянку… Большое вам спасибо.

– Ну, вот так-то получше, – сказала она.

Молодой человек занес лестницу в гараж, после чего молча сел в машину и уехал.

Муж и жена остались стоять посреди дороги – и при этом оба, не отрываясь, смотрели на баскетбольный щит.

– Ну, и что все это значит? – спросила она, когда машина скрылась за поворотом.

– А то ты не знаешь! – выкрикнул он, но тут же сбавил тон. – Ну вот, опять… – Он вдруг понял, что не может удержаться от слез. – Просто черт знает что!

– Черт, может, и знает. А ты сам – не очень-то. Да еще требуешь от других, – сказала она, смягчаясь. – Пойдем-ка лучше домой.

– Нет, мы еще не закончили.

– А что тут заканчивать? Стремянки все равно нет, кольцо висит на своем месте. Во всяком случае, пока.

– Что значит – пока? – вскипел он. – Не пока, а навсегда.

– Но зачем?

– Пусть будет. На всякий случай.

– На какой случай?

– Черт возьми, ну должно же быть на этой гребаной планете хоть одно место – чисто его! Оно же отсутствует, как класс. Его нет – ни на кладбище, ни вообще хоть где-нибудь. Тем более в Сайгоне… Когда я смотрю на него, здесь… ну, в общем, ты понимаешь.

Она подняла взгляд и посмотрела на баскетбольную сетку и кольцо.

– Да-да, понимаю. Потом ты начнешь приносить сюда цветы…

– Плохая шутка!

– Прости. Просто я вижу, ты никак не можешь это отпустить.

– А почему я должен это отпускать?

– Тебе же самому легче будет.

– А ему?

– Ну, это уж я не знаю. И ты тоже не знаешь.

– Неважно. Надоело. Где эта гребаная лестница? Сейчас раздолбаю ее к чертовой матери…

Он зашел в гараж, откопал в завалах старых газет баскетбольный мяч, выглянул наружу, бросил взгляд на кольцо и вдруг… успокоился.

– Голодный? – спросила жена, обращаясь к темноте внутри гаража.

– Никакой я не голодный, – устало сказал он.

– Пойду что-нибудь приготовлю.

Из гаража ему было слышно, как она поднялась на крыльцо и закрыла за собой дверь.

– Спасибо, – сказал он.

Он вышел и немного постоял под кольцом, глядя, как ветер треплет сетку.

– Почему? – еле слышно произнес он. – Ну почему?

Он посмотрел на ряды гаражей вдоль улицы – сначала в одну сторону, потом в другую. Там было полно баскетбольных щитов с кольцами – и тот же самый ветер теребил на них сетки. Никому не приходило в голову их снимать. У каждого находилась своя причина. Чтобы не снимать.

Он насчитал два щита на одной стороне улицы и три на другой.

И подумал, что по щитам можно сразу очень многое понять про людей, которые там живут.

Он стоял бы так и еще, если бы не заметил шевеление за стеклом входной двери – это была жена. Тогда он запер гараж и пошел в дом.

На столе он увидел вино – такое случалось нечасто. Она наполнила до краев два бокала.

– Ладно, прости, – сказала она. – Но тебе просто необходимо было это осознать… Что он не вернется. Больше никогда.

– Нет! – Он вскочил, опрокинул стул и швырнул на скатерть нож и вилку. – Не говори так!

– Кто-то же должен был произнести это вслух.

– Нет!

– Тем более что все уже давно говорено-переговорено. Столько лет прошло.

– Какая разница, сколько лет…

Она уткнулась в свою тарелку и сказала:

– Ладно, пей вино.

– Не командуй, что мне делать. – Хотя и не сразу, но он все же поднял свой бокал. – Спасибо тебе за все. – Он выпил.

Повисло долгое молчание, после чего она сказала:

– Сколько это еще будет продолжаться?

– Так ты сама первая начала.

– Ничего я не начинала. Я просто нашла стремянку и вызвала мастера.

– Просто нашла… Даже слишком просто.

– Но ты же не спишь ночами. С этим надо что-то делать, как-то приводить тебя в норму. И я подумала, что если я… Я ничего плохого не имела в виду. Ты посмотри на себя – ты ведь уже еле ходишь.

– Я? – Он почувствовал, как у него затряслись коленки. – Хотя… да, ты права, – кивнул он.

– Такое ощущение, – помолчав, продолжала она, – что ты ждешь чего-то. Но чего?

– Если бы я сам знал. – Он взял в руки вилку, но есть не стал. – Вчера всю ночь лежал и слушал. И позавчера тоже.

– Что слушал?

– Не знаю. Просто лежал и прислушивался. Но так ничего и не услышал.

– Ешь давай. А то ведь в обморок свалишься от голода.

– Хорошо бы.

– Ладно, уймись. И допивай вино.

Перед сном она сказала:

– А теперь постарайся уснуть.

– Как, по-твоему, я должен стараться? Это же происходит само собой.

– Ну, уж как-нибудь постарайся, – сказала она. – Меня очень беспокоит твое состояние… – Она поцеловала его в щеку и направилась к двери.

– Ладно, сейчас приду, – сказал он.

Издалека послышался бой университетских часов – они пробили полночь. Потом они пробили час ночи, потом два. А он все так же сидел с книгой на коленях и бутылкой вина под боком. Глаза его были прикрыты. Он ждал. И слушал, как за окном шумит ветер.

Когда часы вдалеке пробили три, он встал, вышел из дома и открыл гараж. Там он долго смотрел на баскетбольный мяч. Но потом все-таки не стал выносить его из темницы на свет. Просто оставил ворота открытыми.

Самое трудное было заставить себя не смотреть на баскетбольную корзину. Просто не замечать, как будто ее нет. Кто знает, может, это сработает?

Стоя в лунном свете, он закрыл глаза и весь превратился в слух. До умопомрачения, до боли в ушах – так, что стали отказывать ноги. Только не смотреть на щит, на кольцо, на сетку… Только не открывать глаза…

Сильный порыв ветра прошелестел по деревьям.

Кажется, началось, подумал он.

С царапаньем через дорогу перелетел пожухлый лист.

Ну, точно.

В шуме ветра ему послышался звук дальних шагов, как будто кто-то бежал к дому, потом перешел на шаг – и остановился…

Через мгновение движение возобновилось – теперь звуки перемещались по кругу, то медленнее, то быстрее.

Господи, да оно прямо здесь…

Не открывая глаз, он вытянул вперед руки, пытаясь нащупать что-нибудь в воздухе. Но там ничего не было. Только ветер и лунный свет.

Вот теперь – да.

И прямо сейчас.

Мысленно он произнес это еще раз и еще раз.

Да.

На рассвете он проснулся оттого, что жена присела на краешек его постели.

– Ее там нет, – сказала она.

– Кого?

Она кивнула в сторону окна.

Он медленно поднялся с постели, подошел к окну и посмотрел вниз.

На стене гаража не было ни щита, ни кольца, ни сетки.

– Что это значит? – спросила она.

– Что-то это явно значит…

– Что?

– Не знаю… Это все ветер. И луна. Луна же всегда влияет. Или что-то еще. Не знаю. Просто я… Не знаю.

Он замолчал. Жена сидела и ждала.

– Ладно уж, рассказывай, – сказала она наконец.

– Ну, хорошо. Я сказал ему: я не знаю, кто ты или что ты, только ответь мне: а что, если мы сыграем еще одну, последнюю игру – тогда я смогу нормально спать по ночам? Самую-самую последнюю? Вот так я спросил. И представляешь, ветер ответил мне. Я почувствовал, как он подул мне на лицо и на руки. И луна мне тоже ответила. Сначала она зашла за тучу, а потом сразу вышла. Я знаю: это точно был знак. Я специально пошевелился – и ветер опять мне ответил.

– И что дальше?

– А дальше – мы сыграли эту последнюю игру.

– Мне кажется, я слышала сквозь сон… – Она вздохнула. – Ну, и кто же победил?

– Победили оба, – сказал он.

– Оба не могут победить.

– Могут. Если постараться.

– Оба?

– Оба.

Она подошла к окну и вместе с ним посмотрела на опустевшую стену гаража.

– Это ты все снял?

– Нет, чужой дядя.

– Я не слышала, как ты доставал лестницу…

– Старался. Еле влез на нее, а уж спускаться – это вообще караул. Все глаза пылью засыпало. Под конец вообще ничего не видел.

– И куда ты все это засунул?

– Понятия не имею. Потом где-нибудь выскочит.

– Слава богу, что все закончилось.

– Да. Но это не главное.

– А что главное?

– Мы сыграли вничью, – сказал он. – Понимаешь – вничью…

T?te-?-t?te

Летним вечером мы с моим приятелем Сидом шли по дощатому настилу Океанского парка, как вдруг на одной из скамеек, почти у самой воды, я заметил знакомую картину.

– Погоди, – тихо сказал я, – притормози-ка…

Мы остановились и прислушались.

На скамейке сидела старая еврейская чета, ему я дал бы лет семьдесят, ей – лет шестьдесят пять. Оба что-то непрерывно говорили и размахивали руками, при этом никто никого не слушал.

– Сколько можно повторять одно и то же! – сказал он.

– Ой, извини, ты что-то говорил? А я и не заметила! – огрызнулась она.

– Вот именно – что-то! Я всю жизнь тебе что-то говорю! И таки не самую последнюю чушь, если бы ты хоть раз соизволила подумать!

– Ой, ой, вы только послушайте его! – бешено вращая глазами, сказала она. – Всю жизнь! Может, перескажешь все по списку?

– С удовольствием, могу начать прямо со свадьбы.

– С какой еще свадьбы?

– С той самой. С этого дурдома, за который я выложил кругленькую…

– Ой-ой… Это кто это выложил?!

– Да я тебе в два счета докажу, что…

– Ой, я тебя умоляю – кто таки станет тебя слушать…

Et cetera, et cetera…[10 - И так далее, и тому подобное. (Прим. ред.)]

– Жалко, что нет диктофона, – сказал я.

– А зачем? – пожал плечами Сид. – Я и так все запомнил. Можешь разбудить меня ночью – и я воспроизведу тебе их разговор слово в слово.

Мы двинулись дальше.

– Можешь себе представить, – сказал я, – они сидят на этой самой скамейке каждый вечер, и так – уже много-много лет!

– Ого, – протянул Сид. – Да они комики со стажем.

– Не говори так. Это совсем не смешно. Скорее грустно.

– Что? Грустно? Да брось ты! По-моему, их хоть завтра можно выпускать на сцену – играть водевили в «Орфеуме»![11 - «Орфеум» – театр в Мемфисе, бывший Оперный дом, в котором в начале XX века шли популярные водевили.]

– Но разве это не грустно?

– Да ладно тебе, расслабься. Готов поспорить, что они вместе уже лет пятьдесят. Этот бред они начали нести еще до свадьбы – и несут по сей день, с тех пор как кончился их медовый месяц.

– Но они ведь совсем не слушают друг друга!

– Ну и что, они же соблюдают очередь. Сначала она его не слушает, потом он ее. А послушали бы – так все бы и закончилось. Сразу бы охладели друг к другу. Это их возбуждает, понимаешь – по Фрейду.

– Но с чего ты это взял?

– Да они просто все выплескивают – все недовольство, все страхи. Спорим, они и в постели не прекращают свою перебранку, а через пару минут оба засыпают с блаженной улыбкой на устах!

– Ты правда так думаешь?

– Не думаю, а знаю. Мои дядя и тетя вели себя примерно так же. На самом деле взвешенная доза взаимных оскорблений продлевает жизнь.

– И сколько же они прожили?

– Тетя Фанни и дядя Эйза? Восемьдесят и восемьдесят девять.

– Так долго?

– Особая словесная диета, постоянно держали себя в тонусе. Это такой еврейский бадминтон: он подает – она отбивает, она подает – он отбивает. Никто не выигрывает, но ведь, черт возьми, никто и не проигрывает!

– Никогда не думал об этом в таком разрезе.

– Ну, так подумай. Пошли назад, пора бы и перекусить.

На обратном пути мы снова поравнялись с местом романтических летних рандеву.

– И еще кое-что! – кипятился старик.

– Кое-что! Да тут не кое-что… Тут тридцать кое-что!

– А ты прямо подсчитала!

– Да, подсчитала! Господи, да куда девался этот список?

– Какой еще список? Кому они нужны – твои списки…

– Мне нужны! Тебе не нужны, а мне нужны!

– Дай мне договорить! Я не закончил…

– Как можно закончить нескончаемое? – философски заметил Сид, в то время как мы покинули зону слышимости, так и не выслушав главные аргументы.

Через пару дней он позвонил мне.

– Я нашел диктофон.

– Зачем?

– Ты – писатель. Я – писатель. Почему бы не подсобрать топлива для наших мельниц?

– Ну, давай…

– Тогда будь готов, заеду прямо сейчас.

И мы пошли. Опять был чудесный теплый вечер, какие часто случаются в Калифорнии и о которых лучше не рассказывать родственникам с восточного побережья, а то те поверят и тут же нагрянут в гости.

– Ничего не хочу слышать! – говорил он.

– Нет уж, ты послушай! – вторила она.

– Спасайте, люди добрые! – Я зажмурился. – Действие второе. Те же. Партия продолжается, волан в игре. Проигравших нет. Ты что, правда собрался включать диктофон?

– Даже Дик Трейси[12 - Дик Трейси – главный герой серии комиксов Честера Гулда, сыщик-любитель.] им пользовался, а мы что, хуже?

Мы подошли поближе, и я услышал легкий щелчок включаемого устройства.

– Как же его звали? Ах да, Айзек!

– Никакой не Айзек!

– Нет, Айзек!

– Да Аарон же его звали!

– Какой еще Аарон! Аарон – это старший!

– Нет, младший!

– Да какой дурак тебе это сказал?

– Какой, какой… Ты сам и сказал!

– Попрошу без оскорблений.

– Что, правда глаза колет?

– Да я тебе в два счета докажу, что…

– Отлично, с пылу с жару! – сказал Сид, когда мы тихо ретировались, унося с собой в кармане их голоса.

Дело пошло – на следующий день мы записали их еще раз, потом – еще раз и еще.

А потом вдруг скамейка опустела. Они не пришли один вечер, другой…

Когда я не обнаружил их и в третий раз, я зашел в небольшой кошерный магазинчик по соседству и, указав на скамейку, спросил, куда пропали ее завсегдатаи – я ведь не знал их имен. Конечно, знаем, сказали мне. Это Роза и Эл, Эл и Роза Штайн. Да, они ходили сюда много лет, ни одного вечера не пропустили. Но теперь – все. Эл больше не придет. Такие вот дела. Во вторник его не стало. Опустела теперь скамейка – очень непривычно. Ну да что тут сделаешь?

Я сделал то, что я мог сделать, внезапно обнаружив, что я действительно грущу о них – об этих двух совершенно незнакомых мне людях, вдруг ставших знакомыми. В маленькой местной синагоге я узнал название крошечного кладбища и однажды вечером отправился туда, сам не зная зачем. При этом я чувствовал себя так же, как когда-то давно, когда мне было лет двенадцать и я – гой – решился заглянуть в синагогу в центре Лос-Анджелеса, чтобы послушать, как поют и молятся все эти дядьки в шляпах.

Конечно, эта женщина была там, на кладбище. Сидела возле камня, на котором было вырезано его имя, и говорила, говорила, говорила – и иногда трогала камень рукой.

А что же он? А он, как всегда, ее не слышал.

Некоторое время я постоял там с закрытыми глазами и послушал. Потом ушел.

Когда солнце совсем село и спустился туман, я отправился в парк, к заветной скамейке. Она по-прежнему пустовала, и это выглядело ужасно.

Но что еще я мог сделать?

Я позвонил Сиду.

– Я по поводу диктофона. У тебя сохранились… те пленки?

В один из последних летних вечеров мы с Сидом, как обычно, прошли через кошерный рынок на площади, где продавалась знатная пастрома[13 - Пастрома – мясной деликатес из говядины, блюдо еврейской кухни тюркского происхождения.] и фирменные ватрушки «Эмпориум», и вырулили на променад с рядами скамеек вдоль моря. И вдруг Сид сказал:

– Интересно, интересно…

– Что тебе интересно? – спросил я и увидел, что он смотрит в сторону той самой скамейки. К тому времени она пустовала уже неделю.

– Смотри… – Он тронул меня за локоть. – Там, кажется, та самая бабуля.

– Ну и что?

– Все-таки вернулась! А я думал, заболела или еще что. А она – вот.

– А я знаю, – улыбнулся я.

– Да откуда тебе знать? А это точно та же скамейка? Ну да. Да и тетка вроде та же – болтает без умолку, как ненормальная…

– Та же, та же.

Мы подошли уже совсем близко.

– Слушай, – прошептал он еле слышно. – Но ведь рядом никого нет. Похоже, она разговаривает сама с собой!

– Это только так кажется, – совсем тихо сказал я, потому что мы подошли уже вплотную. – Ты послушай.

– Ой, ну не морочь мне голову! Кому нужны твои смешные аргументы? – говорила бабуля, с горящим взглядом обращаясь к пустой половине скамейки. – Аргументы у него! Да если надо, я их тебе хоть тысячу приведу!

И вдруг случилась еще более странная вещь.

– Это ты-то? – произнес в ответ чей-то голос. – Нечего сказать, дожили!

– Это же тот самый голос! – воскликнул Сид, потом спохватился и добавил шепотом: – Его голос… Но ведь он же умер!

– Да, умер, – отозвался я.

– Но это еще ладно, – продолжала бабуля, – ты посмотри, как ты ешь. Просто понаблюдай!

– Легко тебе говорить… – Голос старика вдруг стал звучать тише.

– А тебе-то кто мешает? Говори!

Послышался щелчок. Сид скользнул взглядом вниз и увидел в руках у бабули… свой диктофон.

– И еще кое-что, – сказала она вживую.

Щелк.

– С какой стати я должен все это терпеть?! – проорал голос в записи.

Щелк.

– Да-да, у меня есть для тебя кое-что, что тебе не понравится! – выкрикнула она вживую.

Сид внимательно посмотрел на меня.

– Это ты? – спросил он.

– Ну, я… – сказал я.

– Но как?

– Взял все записи со всех вечеров. Потом переписал на отдельную кассету все его реплики и оставил между ними паузы, чтобы она успевала что-нибудь прошамкать в ответ. В некоторых местах записал чисто его вопли, когда ответ не нужен. А если что, она может остановить диктофон и пророраться сама. А потом уже включать дальше…

– Но… как тебе это пришло в голову?

– Увидел ее на кладбище, – сказал я, – и сам чуть не умер. Представляешь, она разговаривала с холодным куском мрамора. В полной тишине. И вот тогда я переписал твои пленки, все эти его вопли и причитания, и вечером опять пришел на кладбище. Она, конечно, была там – думаю, она собиралась остаться там навечно и умереть с голоду. Ведь мрамор ей не отвечал. А ответ всегда нужен, даже если ты его не слушаешь или думаешь, что не слушаешь. Поэтому я подошел к могиле, включил диктофон, убедился, что из него доносятся выкрики старика, и отдал ей прямо в руки. И не смотрел, что будет дальше, станет ли она что-нибудь орать ему в ответ или нет. Просто ушел – и все. Только он и она. Она и он. Высокий голос, низкий голос. Низкий, высокий… В общем, ушел. А уже

вчера вечером она сидела здесь на скамейке и ела ватрушку. Думаю, теперь она собирается жить дальше. Ну разве это не классно?

Сид прислушался к возмущенному голосу старика:

– С какой стати я должен все это терпеть? Кто-нибудь мне скажет? Я жду. А?

– С превеликим удовольствием! – кричала в ответ бабуля.

Мы с Сидом двинулись к выходу. Позади нас таяли в летних сумерках два голоса – ее высокий и его низкий.

По дороге Сид проникновенно взял меня под руку.

– Хоть ты и гой, – сказал он, – но здесь поступил как истинный еврей. Так и хочется сделать для тебя что-нибудь хорошее… Только вот не знаю что.

– Может, по пастроме? Под водочку, а?

Полуночный танец дракона

Помните, какое прозвище было у Аарона Штолица? Еще давно, раньше? «Продюсер, летящий на крыльях ночи»… А те две студии – кто-нибудь помнит? Одна – размером с рояль, другая – вообще как коробка из-под печенья? Я тогда там работал – первая дверь слева от входа на кладбище Санта-Моника. Бывало, стучится к нам покойник, а мы ему – ой, извините, вы, кажется, ошиблись дверью!

Чем я там занимался? Плагиатом, конечно. Перелицовывал чужие сценарии, крал музыку – и из всего этого мы монтировали фильмы. Например, такие, как «Монстр в парадной» (эту ленту очень любила моя мама, она напоминала ей о детстве в родительском доме), «Заводной мамонт», «Чокнутая бацилла» или «Нашествие тлей-гигантов»… И все это мы снимали исключительно по ночам – между заходом и восходом солнца.

А потом одним разом все изменилось. Ту страшную и прекрасную ночь, после которой Аарон Штолиц проснулся богатым и знаменитым, я помню едва не по минутам…

Все началось в жаркий сентябрьский вечер, когда в студии зазвонил телефон. Как сейчас помню, Аарон сидел в своем «офисе» метр на метр, скрываясь от назойливых, как мухи, полицейских. Я в соседней комнате монтировал на ворованном оборудовании очередную «нетленку»… И вдруг тишину прорезал истошный звонок. От неожиданности мы даже подпрыгнули, будто это был не обычный телефонный сигнал, а настигший нас из глубины веков вопль обманутых жен.

В конце концов пришлось подойти.

– Привет! – произнес голос в трубке. – Это Джо Самасуку – из кинотеатра «Самурай Самасуку»! Выручайте: у нас по расписанию на восемь тридцать назначена премьера – настоящий фильм о самураях от японской киностудии. Но пленка застряла где-то на фестивале – не то в Пакойме, не то в Сан-Луис-Обиспо… Так вот. Нет ли у вас какого-нибудь широкоэкранного фильма на девяносто минут – или о самураях, или типа какой-нибудь китайской сказки? Плачу пятьдесят баксов сразу. Можешь назвать мне навскидку несколько названий, из последних? Что-нибудь о крутых парнях, которые сухими выходят из воды?

– «Остров бешеных обезьян»…

Повисшая пауза говорила сама за себя.

– «Две тонны кошмара»…

Судя по выразительному шуршанию, хозяин кинотеатра «Самурай Самасуку» уже готов был нажать на рычаг, но тут…

– «Полуночный танец дракона»! – поспешно выкрикнул я.

– А вот это ничего… – Голос на том конце провода выдохнул сигаретный дым. – Дракон нам подойдет… Сможете закончить монтаж и озвучку часа через… ну

хотя бы часа через полтора?

– Да не вопрос! – сказал я и повесил трубку.

– Как ты сказал – «Полуночный танец дракона»? – переспросил Аарон, появляясь в дверях. – У нас что, есть такой фильм?

– Будет! – Я выложил перед камерой ряд из заглавных букв. – Внимание! Остров бешеных обезьян превращается… в танец – в какой-нибудь там танец дракона…

Я поменял в титрах название, быстренько разобрался с музыкой, прокрутив задом наперед какие-то старые записи Леонарда Бернстайна[14 - Леонард Бернстайн (1918–1990) – американский композитор, пианист и дирижер.], после чего перекидал все двадцать четыре бобины с пленкой в наш «Фольксваген». Должен сказать, что обычно такое количество бобин требуется только на стадии монтажа: для показа фильм перегоняют на девять, и он прекрасно на них умещается. Но у меня уже не было времени на перемотку. Поэтому я справедливо заключил, что самурай Самасука переживет и так. В конце концов это форс-мажорная ситуация – можно и повозиться с монтажными катушками.

Чуть не врезавшись в ограду, мы подкатили к кинотеатру и срочно потащили бобины наверх, в киноаппаратную. Там нас с мрачным сопением уже поджидал какой-то Кинг-Конг, который, судя по запаху, уже изрядно накачался шерри. Ни слова не говоря, он сгреб разом все бобины, затащил в свою будку и захлопнул за собой тяжелую металлическую дверь.

– Э-э-э! – с тревогой выкрикнул Аарон.

– Пошли скорей, надо забрать наши пятьдесят баксов! – сказал я. – А то после фильма – как бы не было поздно…

Мы побежали обратно. И услышали крики, которые доносились снизу:

– Я разорен! Я разорен!

Там стоял Джо Самасуку и буквально рвал на себе волосы, глядя на огромную толпу перед входом в зал.

– Джо! – воскликнули мы в один голос.

– Вы только посмотрите вот на это… – простонал он. – Я же всем разослал телеграммы, что премьеры не будет, а они все равно приперлись! Все, как один, тут: и «Variety», и «Saturday Review», и «Sight and Sound», и «Manchester Guardian», и «Avant-Garde Cinema Review»… О нет, я этого не вынесу! Пойду сожру какой-нибудь несъедобной американской еды…

– Без паники, – сказал Аарон, – в конце концов не такой уж у нас и тупой фильм…

– Разве? – с сомнением в голосе сказал я. – Для этих-то суперснобов? Ох, боюсь, как бы не пришлось после этого показа переименовать фирму в «Харакири Продакшн»…

– Я сказал – без паники, – с невозмутимым видом произнес Аарон, – спокойно и организованно перемещаемся в соседний бар.

Фильм начинался с мощного замеса опусов Дмитрия Темкина[15 - Дмитрий Темкин (1894–1979) – американский композитор российского происхождения, внес большой вклад в развитие жанра киномузыки, четырехкратный обладатель премии «Оскар».], которые были пущены задом наперед, поставлены с ног на голову и вывернуты наизнанку. Музыка грянула.

И мы отправились в бар. Однако не успели мы принять двойную порцию покоя и умиротворения, как за стенкой послышались раскатистые звуки морского прибоя. Это означало, что публика в зале дружно охает и вздыхает.

Мы с Аароном срочно метнулись обратно в кинотеатр – проверить, что за коленца там выкидывает наш танцующий дракон.

Увиденное вызвало у меня невольный стон. Развернувшись на месте, я срочно рванул наверх в аппаратную и, встретив на своем пути запертую металлическую дверь, принялся колотить по ней своими субтильными кулачками.

– Эй ты, гнида! Ты же перепутал катушки! Слышишь, придурок! Вместо второй поставил четвертую!

Прибежал запыхавшийся Аарон и прислонился к запертой двери ухом.

– Нет, ты только послушай, – сказал он.

Из аппаратной доносилось мелодичное звяканье льда, который бросали явно не просто в воду.

– Он же пьет…

– Да он и был-то хорош!

– Ладно, хрен с ним… – сказал я, чувствуя, как меня прошибает холодный пот. – В одной катушке всего пять минут. Может, никто ничего и не заметит… Эй ты! Там! – проорал я, изо всех сил пнув по двери ногой. – Считай, что мы тебя предупредили! Расставь бобины по порядку, придурок! Пошли, Аарон… – С этими словами я схватил его и поволок вниз по лестнице. – Нам надо срочно купить еще немного покоя и умиротворения.

Едва мы покончили со вторым мартини, как в зале зашумел не то что прибой, а целое цунами.

Я бросился обратно в кинотеатр, взбежал наверх к аппаратной, встал под металлической дверью и принялся орать в дырку от замка:

– Ты, маньяк! Истребитель всего живого! Ты зачем поставил шестую катушку? Когда надо третью! Или ты живо откроешь мне дверь, или я придушу тебя собственными руками!

Конечно, он открыл. Очередную бутылку. Урод. Мне было отлично слышно, как он шарахается по аппаратной, то и дело пиная жестяные коробки с фильмом.

На несколько секунд я перевоплотился в Медею, которая рвет на себе волосы от горя, но потом взял себя в руки и из последних сил приполз обратно в бар. Там я обнаружил Аарона, внимательно изучающего глубины своего стакана.

– Интересно, все киномеханики так по-черному пьют? – задумчиво спросил он.

– Все ли киты плавают под водой или какая-то часть идет на дно? – продекламировал я, не открывая глаз. – Видел ли ты тонущего в океане левиафана?

– Да ты, брат, поэт… – с почтением заметил Аарон. – Давай-ка задвинь еще что-нибудь.

– Мой шурин пятнадцать лет проработал киномехаником в «TriLux Studio», – сказал я, – и все пятнадцать не просыхал.

– Это наводит на размышления…

– Еще как наводит. Представь себе, что тебе пятнадцать лет подряд пришлось бы изо дня в день раз по сто крутить какое-нибудь «Седло греха», в миллионный раз пересматривать «Любовное гнездышко» или возиться с перемонтированными «Сетями страсти». Да от одних только звуков можно уже свихнуться. А если это кинотеатр с безостановочным показом? Даже подумать страшно. Ты бы смог девяносто раз подряд смотреть «Харлоу» с Кэрролл Бейкер?[16 - «Харлоу» (1965) – американский фильм-биография об актрисе Джин Харлоу, роль которой исполняет Кэрролл Бейкер (1931–2003) – американская актриса и секс-символ, ставшая популярной благодаря своим драматическим ролям в 1960-х годах.] Это же верное безумие. Впору на стенку лезть. Дальше – больше. Бессонница, импотенция… И как тут, скажи, не запить? Вполне понятно, почему, как только приходит вечер, по всей Америке – от маленьких поселков и фортов до больших неоновых городов – все киномеханики напиваются в стельку… Да-да, Аарон, они просто надираются в хлам, как последние забулдыги. Все без исключения. В сиську, в дрова, в муку – как хочешь. И у них нет другого выхода…

После моей речи мы оба погрузились в нелегкие размышления. Потягивая свой мартини, я пытался представить себе тысячи разбросанных по всему континенту киномехаников, и в глазах у меня стояли слезы.

Но тут в зале опять поднялся гвалт.

– Пойди глянь, что этот придурок выкинул на этот раз, – сказал Аарон.

– Я боюсь.

Теперь кинотеатр буквально содрогался от шквала эмоций. Сидеть в баре стало как-то неуютно, и мы побежали в зал.

– Всего у него там двадцать четыре бобины, так? – сказал я, бросив недобрый взгляд на окошко аппаратной. – Аарон, ты хорошо считаешь? Прикинь, сколько возможно комбинаций подбора этих чертовых катушек? Допустим, девятая вместо пятой. Одиннадцатая вместо шестнадцатой. Восьмая вместо двадцатой. Тринадцатая вместо…

– Хватит! – простонал Аарон и схватился за голову.

Мы принялись нарезать круги вокруг квартала, и я бы никак не назвал это прогулкой. Скорее, это были нервные пробежки. Мы сделали кругов шесть – и с каждым разом вопли и свист в зале становились все громче, пока не переросли в один сплошной рев.

– Господи, кажется, они ломают под собой сиденья…

– Да нет, не может быть.

– А если они решили сами свергнуть себя с престола? И уничтожить свой род до десятого колена!

– Кто – кинокритики? Ты думаешь, у них есть понятие о родовой чести? Не смеши меня. Там в ходу совсем другие ценности, эполеты, ленточки в петлице… Пять раз в неделю – тренажерный зал. По выходным – пойти попускать кораблики. Военные модели, конечно… А ты – уничтожить свой род… Вот переломать коллегам кости в области запястья – другое дело.

В это время публика в зале подняла такой шум и свист, что, казалось, еще минута – и полуночный дракон разнесет к чертям этот памятник калифорнийской архитектуры вместе с храмом киноискусства.

Я приоткрыл дверь – проверить, что происходит на экране. И тут же закрыл обратно.

– Теперь девятнадцатая вместо десятой.

В это мгновенье из кинотеатра выбежал хозяин – белый, как японская лилия. По щекам его текли слезы. Похоже, он окончательно слетел с катушек.

– Что вы наделали! Вы видели, что там творится? – визжал он. – Мошенники! Ублюдки! Тунеядцы! Вы уничтожили мой театр! «Самурая Джо Самасуку» больше нет!

При этом он пытался броситься на меня – так, что мне приходилось уворачиваться.

– Ну, будет тебе, Джо, – пытался успокоить его я. – Не надо говорить заранее…

Между тем музыка все нарастала. Казалось, что публика надувает ее, как шар, с каждым новым вздохом. И что вот-вот разразится взрыв, в результате которого материя отделится от сознания, как мясо от костей…

Джо Самасуку вдруг застыл, как будто в него попала пуля. Потом сунул мне в руку какой-то ключ и со словами: «Вызовешь полицию, пригласишь уборщиков, запрешь двери, если будет, что запирать, мне не звони – позвоню сам!» – в ту же секунду испарился.

Мы уже готовы были броситься за ним в погоню, чтобы не дать ему улизнуть со двора и затеряться в трущобах. Но в этот момент раздались пронзительные звуки финала, в которых я узнал фигурную нарезку из произведений Берлиоза, щедро украшенную литаврами, позаимствованными у Бетховена…

После этого повисла гробовая тишина.

Мы с Аароном в ужасе уставились на плотно запертые двери.

Всего через несколько секунд они со стуком распахнулись, и оттуда с дикими воплями вырвалась наружу совершенно обезумевшая толпа. А еще через секунду мы осознали, что этот огромный копошащийся зверь, состоящий из множества глаз, множества рук и множества ног в туфлях, движется прямо на нас.

– Черт, умирать-то как не хочется… – вздохнул Аарон.

– Думать надо было, прежде чем лезть в эту задницу, – сказал я.

Зверь остановился, словно принюхиваясь. И мы посмотрели ему в глаза. А он – нам.

– Это они! – истошно заорал кто-то в толпе. – Продюсер и постановщик!

– Прощай, Аарон, – сказал я.

– С богом, – сказал Аарон.

Тысячеголовый зверь с утробным рычанием набросился на нас и вдруг… поднял нас на руки и принялся качать. В следующую секунду мы буквально утонули в море ликования и восторга – все вокруг пели, веселились, хлопали нас по плечу. Нас трижды обнесли по внутреннему дворику, потом вытащили на улицу, потом втащили обратно…

– Смотри, Аарон!

Вглядевшись в бурлящее под нами море блаженных улыбок, я обнаружил там довольного как никогда обозревателя «Manchester Guardian». Потом – критика из «Greenwich Village Avanti», в обычной жизни известного как злобный тип, страдающий диспепсией. Неподалеку от них резвились в экстазе второразрядные обозреватели из «Saturday Review», «The Nation» и «The New Republic». А от самых дальних берегов приветственно махали радостные представители всяких там «Partisan Review», «Sight and Sound», «Cinema» и черт его знает чего еще.

– Это невероятно! – выкрикивали они. – Потрясающе! Это даже круче, чем «Хиросима, любовь моя»![17 - «Хиросима, любовь моя» (1959) – первый игровой фильм французского режиссера Алена Рене, родоначальника кинематографа «новой волны».] И в десять раз круче, чем «Прошлым летом в Мариенбаде»![18 - «Прошлым летом в Мариенбаде» (1961) – фильм французского режиссера Алена Рене, получивший «Золотого льва» Венецианского кинофестиваля.] И уж точно в сто раз круче «Алчности»![19 - «Алчность» (1924) – американский фильм Эриха фон Штрогейма, который входит в Национальный реестр фильмов.] Гениально! Классика! Фильм-шедевр! Хваленый «Гигант» Стивенса[20 - «Гигант» (1956) –

эпическая кинодрама американского режиссера Джорджа Стивенса. Десять номинаций и «Оскар» за лучшую режиссуру. Признан одним из величайших кинофильмов в истории, входит в Национальный реестр фильмов.] по сравнению с ним – просто жалкий карлик! К нам пришла новая американская волна! Расскажите, как вам это удалось?

– Что нам удалось? – крикнул я Аарону, глядя, как его заносят на четвертый круг.

– Закрой рот, а не то вылетишь из седла! – отозвался Аарон, проплывая мимо по волнам бескрайнего океана человеколюбия.

Я зажмурился, пытаясь подавить непрошеные слезы. И вдруг заметил, как из темноты окошка аппаратной вылезло нечто. Свесившись, оно изумленно вытаращило глаза на происходящее внизу буйство. Потом ощупало свое лицо, как бы проверяя, на месте ли оно. После чего, посмотрев на бутылку, зажатую в другой руке, скрылось в темноте – я и рта не успел раскрыть.

Когда всем этим гоблинам с газелями надоело скакать, хихикать и выкрикивать комплименты, нас с Аароном торжественно поставили на землю и объявили вердикт:

– Это величайший авангардный фильм всех времен и народов!

– Мы на это и рассчитывали, – со спокойным достоинством отреагировал я.

Мой ответ утонул в криках:

– Бесподобная работа оператора! Гениальный монтаж! Обратная временная перспектива!

– Мы старались, – скромно потупившись, произнес Аарон.

– Скажите, вы представите картину на Эдинбургском фестивале, не так ли?

– Не так! – ляпнул совершенно ошалевший Аарон.

– Думаю, сначала мы покажем ее на Каннском кинофестивале, – закончил за него я.

Наконец отщелкали вспышки фотоаппаратов, и толпа, словно под действием торнадо, унесшего Дороти в страну Оз, стремительно рассосалась, напоследок загрузив нас обещаниями явиться на коктейльные вечеринки, дать интервью и написать статьи – ну конечно, прямо завтра, буквально через неделю, непременно через месяц, только не забудьте!

Во внутреннем дворике наступила тишина. Было слышно, как изо рта сатира, одиноко торчащего в наполовину пересохшем фонтане, срываются капли воды. Довольно долго Аарон стоял, уставившись взглядом в никуда. Потом умылся и обрел дар речи.

– Механик! – осенило его.

В несколько прыжков мы взбежали по лестнице и остановились возле железной двери. На этот раз мы не колотили по ней, а ласково скреблись, как голодные котята.

После долгого молчания из-за двери послышалось:

– Может, не надо? Я же не нарочно. Я готов извиниться.

– Не нарочно, говоришь? Вот и отлично, давай открывай! Считай, что мы тебя уже простили, – сказал Аарон.

– Не-е, ну вас на фиг, – отозвался голос. – Идите уже.

– Нет уж, радость ты наша, мы уйдем только с тобой вместе. Мы ведь так нежно тебя любим. Правда, Сэм?

Я согласно кивнул.

– Нежнее не бывает.

– Вы что, совсем того-этого?

Судя по звукам, киномеханик форсировал завалы из жестяных коробок, после чего дверь распахнулась.

У него было красное, как у рака, лицо и такие красные же глаза.

– Ну, бейте, – сквозь зубы сказал он, – ну, убейте меня теперь.

– Убить? Тебя?! То есть на наших глазах происходит единственный случай в истории, когда мясо сбегает из банки с консервами… а ты предлагаешь нам его съесть? Нет уж, бесценный ты наш!

Аарон проворно подскочил к киномеханику и запечатлел у него на щеке звонкий поцелуй. Тот в ужасе попятился и замахал руками так, словно пытался отбиться от стаи ос.

– Не надо, ребята, я все разложу, как было… – Он наклонился с намерением немедленно разворошить клубок змей, который когда-то был ровными стопками бобин с нашим фильмом. – Я разберусь…

– Стоять! – гаркнул Аарон.

Механик замер.

– Ты, главное, ничего здесь не трогай, – заботливо, как врач, продолжал Аарон, – Сэм… Будешь за ним записывать. Карандаш есть? Отлично… Ну-с… и как же нас зовут?

– Уиллис Хорнбек.

– Уиллис, значит. Очень хорошо. Ну, давай, Вилли, колись, в каком порядке ты ставил пленки? Выкладывай. Первую, вторую, третью – и дальше, все, что ты там переставлял, менял и ставил раком.

– Вы хотите сказать, что… – ошалело заморгал киномеханик.

– Да-да, нам нужна схема сегодняшнего показа. Если ты не в курсе – сегодня вечером ты показал публике лучший авангардный фильм всех времен и народов.

– Ну и дела! – Уиллис нервно хохотнул и закашлялся, пытаясь охватить взором фрагменты своего «шедевра», ровным слоем покрывающие весь пол.

– Уиллис, детка, – сказал Аарон, – знаешь, как ты будешь называться после своего беспрецедентного творческого выброса?

– Засранец? – Хорнбек прищурил один глаз.

– Первый помощник главного продюсера компании «Hasurai Production», не хочешь? Да что там – сделаем тебя режиссером монтажа, редактором, да хоть главным! Все у тебя будет: и контракт сроком на десять лет, и карьерный рост, и особые условия, и участие в капитале, и проценты… А пока – к делу. Сэм, ты нашел карандаш? Итак, Уиллис. Расскажи, как ты все это делал?

– Но я… – произнес Уиллис Хорнбек, – …ничего не помню.

У Аарона вырвался смешок.

– То есть как это – не помнишь?

– Я же пьяный был… А сейчас протрезвел. Я всегда, когда выпью, потом не помню ни хера…

Мы с Аароном обменялись взглядами, полными отчаяния. Но потом я заметил кое-что на полу, и у меня появилась идея.

– Так-так… – сказал я и наклонился.

Когда я разогнулся, в руке у меня была бутылка. Вернее, полбутылки шерри.

– Итак, Уиллис… – сказал Аарон.

– Да, сэр?

– Дорогой Уиллис…

– Да, сэр?

– Несравненный Уиллис. Сейчас я включу проектор…

– И что?

– И ты, Уиллис, будешь пить. Ты будешь пить, пока не допьешь весь свой – что у тебя там в бутылке… Понял?

– Да, сэр.

– А ты, Сэм…

– Слушаю, сэр! – сказал я, взяв под козырек.

– Ты, Сэм, – продолжил свою мысль Аарон, одним щелчком выпуская из проектора светлый луч надежды, – запри, пожалуйста, хорошенько эту замечательную, очень надежную дверь.

В темноте опустевшего зала вспыхнуло полотно экрана, белое и чистое, как холст, на котором вот-вот появится творение гениального мастера.

Я захлопнул тяжелую кованную железом дверь и запер ее на ключ…

Наш дракон со своим полуночным танцем проскакал по всем кинофестивалям планеты. Мы приручили льва на Венецианском кинофестивале, удостоились главного приза Нью-Йоркского фестиваля и специального приза Всемирного фестиваля кино в Бразилии. А потом понеслось… На волне успеха мы настряпали пять новых шедевров. Фильм «Мерзости» стал второй сенсацией в рейтинге нашего международного признания – сразу после «Дракона». А следом за ним, в порядке очереди, триумф настиг и остальные наши ленты. «Мистер Монстр», «Наезд», «Хлыст» и «Просто ужас».

Теперь имена Аарона Штолица и Уиллиса Хорнбека произносили с придыханием прокатчики всего мира.

Вы спросите, как нам удалось изготовить еще пять безусловных хитов?

Отвечу: ровно по тому же рецепту.

Закончив съемки очередного фильма, мы арендовали на всю ночь кинотеатр «Самасуку», хватали за шкирку Уиллиса, вливали ему в глотку бутылку первоклассного шерри, давали в руки катушки с фильмом, включали проектор и запирали дверь.

За ночь причудливый гений Уиллиса, который базировался явно не в верхней части туловища, успевал мелко порубить, поджарить, посолить и приправить остреньким безвкусное содержимое наших пленок. А уже к утру аппетитное блюдо из монстров, которого с таким нетерпением ждали киногурманы Калькутты и Фар-Рокауэя, было готово к подаче. О, эти дивные бессонные ночи в киноаппаратной… Они всегда будут жить в моих воспоминаниях и скрашивать унылые дни! И Уиллис, который носится с бобинами по аппаратной, и стрекочущий звук проектора, и тени на потолке, и первые утренние лучи во внутреннем дворике – золотые, как символ нашего финансового успеха…

Наши дела шли отлично: мы снимали ленту за лентой, нам вручали все больше растений и животных, рубли и песо текли к нам рекой. А уж когда Аарон и Уиллис получили «Оскара» в номинации «Экспериментальное кино», мы пересели в самые дорогие «Ягуары». Казалось, счастье должно было длиться вечно.

Но не тут-то было.

Прошло всего три года с тех пор, как мы оседлали нашего авангардного конька, три чудесных, блистательных года. И вот…

Однажды, в один непрекрасный день, когда Аарон, радостно потирая ручки, любовался своим банковским счетом, в его кабинет вошел мрачный Уиллис Хорнбек. Подойдя к большому панорамному окну, из которого открывался вид на гигантскую съемочную площадку «Hasurai Production», он закрыл глаза. А потом набрал побольше воздуху и, бия себя в грудь (впрочем, весьма деликатно) и пытаясь оторвать себе манжеты (тоже без особого фанатизма), тихо сказал:

– Я – алкоголик… Жалкий алкаш. Пьянь подзаборная. Пропойца. Забулдыга. Я пью спирт для компрессов. Мне уже все равно, что пить. Одеколон? Пожалуйста. Скипидар? Палубный лак? Не вопрос. Жидкость для снятия лака? Запросто. И каждый раз – в говно, каждый раз до потери пульса… И я спросил себя: может быть, хватит? Ты что, хочешь сдохнуть, Уиллис Хорнбек? Пора завязывать пить, урод. Пора уходить в завязку…

В ужасе мы с Аароном бросились к нашему сокровищу, пытаясь привести его в чувство.

– Уиллис! Уиллис! Что с тобой?

– Ничего. Со мной все в порядке. – Когда он открыл глаза, в них стояли слезы. – Ребята, поймите, я не хочу подставлять вас. Вы такие хорошие… Но вчера вечером… – Он сжал нам руки.

– Что – вчера вечером? – упавшим голосом произнес Аарон.

– Вчера вечером я вступил в Общество анонимных алкоголиков.

– Что?! – сорвался в фальцет Аарон.

– Я говорю – в Общество анонимных алкоголиков. Вступил.

– Нет, ты не мог этого сделать! – Аарон сел на стул, потом вскочил, а потом опять сел. – Ведь ты же – наше сердце. Наша душа. Наши легкие и глаза… Ты и есть «Hasurai Production»!

– А думаешь, кем я сам себя считаю? – с невинным видом произнес Уиллис.

– И что? Тебе так сильно не нравится быть гением? А, Вилли? – все сильнее заводился Аарон. – Не нравится, что тебя узнают на улицах. Что ты – мировая знаменитость, важная персона… Тебе что, этого всего мало? Теперь еще приспичило бросить пить?

– Да мы тут все – мировые знаменитости, – сказал Уиллис. – Нас все любят, у нас все хорошо. С чего мне теперь пить? В меня просто не лезет никакой алкоголь…

– Не лезет? – крикнул Аарон. – Так пихай его силой!

– Ты что, шутишь? – сказал Уиллис. – Это что же получается – раньше я пил, потому что был полным ничтожеством. А теперь если я брошу пить, то из-за этого целая огромная студия накроется медным тазом. Хорошенькое дело!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Лон Чейни – выдающийся американский актер немого кино, который прославился способностью до неузнаваемости изменять свою внешность, за что получил прозвище «Человек тысячи лиц».

2

Фред Аллен (1894–1956) – американский комик, чье абсурдное шоу на радио сделало его одним из самых популярных юмористов.

3

От лат. – Услуга за услугу (лат.).

4

Продолговатого мозга.

5

Эмили Дикинсон (1830–1886) – авангардная для своего времени американская поэтесса.

Скотт Фицджеральд (1896–1940) – известный американский писатель, автор романа «Великий Гэтсби».

6

«Спокойной ночи, дамы» – популярная американская песня, обычно исполняемая в финале менестрель-шоу.

7

Очевидно, имеется в виду Майрон Хили (1923–2005) – известный американский актер, родом из Калифорнии, игравший в фильмах в жанре вестерн.

8

То есть на море.

9

В память (лат.).

10

И так далее, и тому подобное. (Прим. ред.)

11

«Орфеум» – театр в Мемфисе, бывший Оперный дом, в котором в начале XX века шли популярные водевили.

12

Дик Трейси – главный герой серии комиксов Честера Гулда, сыщик-любитель.

13

Пастрома – мясной деликатес из говядины, блюдо еврейской кухни тюркского происхождения.

14

Леонард Бернстайн (1918–1990) – американский композитор, пианист и дирижер.

15

Дмитрий Темкин (1894–1979) – американский композитор российского происхождения, внес большой вклад в развитие жанра киномузыки, четырехкратный обладатель премии «Оскар».

16

«Харлоу» (1965) – американский фильм-биография об актрисе Джин Харлоу, роль которой исполняет Кэрролл Бейкер (1931–2003) – американская актриса и секс-символ, ставшая популярной благодаря своим драматическим ролям в 1960-х годах.

17

«Хиросима, любовь моя» (1959) – первый игровой фильм французского режиссера Алена Рене, родоначальника кинематографа «новой волны».

18

«Прошлым летом в Мариенбаде» (1961) – фильм французского режиссера Алена Рене, получивший «Золотого льва» Венецианского кинофестиваля.

19

«Алчность» (1924) – американский фильм Эриха фон Штрогейма, который входит в Национальный реестр фильмов.

20

«Гигант» (1956) – эпическая кинодрама американского режиссера Джорджа Стивенса. Десять номинаций и «Оскар» за лучшую режиссуру. Признан одним из величайших кинофильмов в истории, входит в Национальный реестр фильмов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rey-bredberi/polunochnyy-tanec-drakona-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить